

Вера Петровна Желиховская

Над пучиной

Вера Петровна Желиховская

Над пучиной

Аннотация

«...Стояло начало мая мѣсяца; теплаго, яркаго, цвѣтущаго мая.

Всегда красивая Одесса разрядилась вся въ зелень и цвѣты, и глядѣлась въ голубое море словно шестнадцатилѣтняя красавица въ зеркало.

Въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ суета, толкотня и шумъ: только что прибылъ утренній поѣздъ. Разъѣздъ необычайно оживленъ.

Двѣ дамы спокойно ждутъ въ залѣ перваго класса, никуда не спѣша, ожидая безъ всякихъ признаковъ нетерпѣнія, чтобы люди – лакей и горничная, получили багажъ, и все устроили. Одна изъ дамъ, пожилая, некрасивая, одѣтая съ такой аккуратностью, что никому и въ голову не могло придти, что она четвертая сутки не выходила изъ вагона, сидитъ молча, вытянувшись въ струнку, на диванѣ...»

В. П. Желиховская Надъ пучиной

I

Стояло начало мая мѣсяца; теплаго, яркаго, цвѣтущаго мая.

Всегда красивая Одесса разрядилась вся въ зелень и цвѣты, и глядѣлась въ голубое море словно шестнадцатилѣтняя красавица въ зеркало.

Въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ суета, толкотня и шумъ: только что прибылъ утренній поѣздъ. Разъѣздъ необычайно оживленъ.

Двѣ дамы спокойно ждутъ въ залѣ перваго класса, никуда не спѣша, ожидая безъ всякихъ признаковъ нетерпѣнія, чтобы люди – лакей и горничная, получили багажъ, и все устроили. Одна изъ дамъ, пожилая, некрасивая, одѣтая съ такой аккуратностью, что никому и въ голову не могло придти, что она четвертая сутки не выходила изъ вагона, сидитъ молча, вытянувшись въ струнку, на диванѣ. Держась одной рукой, затянутой въ шведскую перчатку, за свой дорожный несесерь, надѣтый черезъ плечо, она другую положила на зонтикъ и шотландскій пледъ, аккуратно затянутые ремнями, и смотритъ въ полъ, съ выраженіемъ, явно свидѣтельствующимъ о ея готовности просидѣть такимъ образомъ хоть до вечера.

Другая, молоденькая дѣвушка, стройная, хорошенькая блѣдной, изнѣженной красотой растенія, взлелѣяннаго въ сѣверныхъ теплицахъ, сначала бросилась было на диванъ, потомъ встала и оперлась на окно, глядя въ ясное небо и зѣвая немилосердно. Ея изящный дорожный костюмъ былъ далеко не въ такомъ порядкѣ, какъ у ея спутницы; темные, большіе, способные блистать и оживляться, глаза, смотрѣли апатично и вяло. Она казалась и сонной, и усталой, и сильно скучающей...

Но вотъ она остановила вниманіе своей чопорной спутницы, зѣвнувъ особенно аппетитно, и тотчасъ лицо ея оживилось лукавой усмѣшкой. Подмѣтивъ на себѣ ея удивленно-укоризненный взоръ, она откинула движеніемъ руки и головы русый локонъ, выбившійся изъ-подъ шляпки и сдержавъ усмѣшку, оживившую всѣ тонкія черты ея необыкновенной прелестью, сказала по англійски:

– Вы боитесь, чтобы я не вывихнула себѣ челюсти, миссъ Джервисъ?

– Я удивляюсь, что Марья и Иванъ дѣлаютъ тамъ такъ долго? – вмѣсто отвѣта замѣтила англичанка. – Неужели въ отелѣ не получена телеграмма, и за нами не прислали коляски?

Какъ-бы въ отвѣтъ ей въ комнату вошла краснощекая горничная и благообразный лакей.

– Пожалуйста! – сказалъ онъ. – Вещи сданы и отправлены въ Лондонскую гостиницу. Коляска подана.

– Ну и прекрасно!.. Пойдемте, мисс Джервисъ. Маша! Бери вещи и мою сумку, пожалуйста. Вотъ она тамъ, на спинкѣ стула... Все плечо мнѣ оттянула!.. Дай только зонтикъ.

– Развѣ вы не надѣнете другой перчатки, miss Vera?

– А вы считаете это необходимымъ, miss Sarah?

– Oh! Miss. Вы сами это знаете.

– Охъ! Знаю-ли?.. А впрочемъ, чтобъ вамъ сдѣлать удовольствіе... Ну! Идемте.

Открытая коляска помчала ихъ по Пушкинской улицѣ, къ набережной.

– Хорошенькій городъ!.. Очень хорошенькій городъ! – одобрительно повторила Вѣра Аркадьевна Ладомирская, смотря по сторонамъ.

– Одесса прелести какой городъ! – подтвердила ея балованная субретка.

– Да!.. Вѣдь я и забыла, что ты жила здѣсь прежде, Маша. Чтожъ въ ней особенно хорошаго?

– Да все-съ! Особливо теперь, какъ всѣ дачи и всѣ Фонтаны въ цвѣту.

– Какъ фонтаны въ цвѣту? – засмѣялась барышня. – Развѣ вмѣсто воды фонтаны здѣсь бьютъ цвѣтами?

– Не цвѣтами-съ и даже фонтановъ нѣту совсѣмъ, а такъ загородныя мѣста, гдѣ, значить, самыя лучшія дачи, – Большой, Средній и Малый фонтанъ прозываются.

– А! Вотъ что. И хороши онѣ, эти дачи?

Горничная принялась расписывать восторженно.

– Можно будетъ съѣздить посмотрѣть. Сестру, вѣдь, ждать навѣрное дня три придется.

Бывшая гувернантка, нынѣ компаньонка княжны Ладомирской, смотрѣла на нее вопросительно. Она рассказала ей въ чемъ дѣло.

– Oh! very well! – воскликнула въ отвѣтъ англичанка, въ теченіе своего многолѣтняго пребыванія въ Россіи не выучившаяся по-русски.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ музеуму, биржѣ и цвѣтушему бульвару вдоль набережной, тѣмъ красивѣе были зданія, отѣенныя аллеями только что зазеленѣвшихъ акацій.

Видъ на бульваръ и нарядный портъ съ десятками судовъ и пароходовъ, съ сотнями бѣлокрылыхъ яхтъ и разноцвѣтныхъ яликовъ, скользящихъ по сверкавшему отраженіемъ голубаго неба, безбрежному морю, окончательно привелъ Вѣру въ восторгъ. Отдохнувъ и пообѣдавъ пораньше, она рѣшила, что поѣдетъ гулять. Коляска снова была подана, онѣ усѣлись съ мисс Джервисъ и приказали везти себя на фонтаны.

– На который-съ? – освѣдомился возница, одѣтый на иностранный ладъ.

– На всѣ! Начиная съ ближняго и до самаго дальняго! – отвѣчала барышня.

Коляска тронулась по набережной, вдоль бульвара, пестрѣвшаго гуляющими, сквозь свою молодую зелень, на яркомъ фонѣ моря и неба. День былъ праздничный, въ повилонѣ гремѣла музыка; на платформѣ ресторана Замбрини, между рядами мраморныхъ столиковъ, яблоку негдѣ было упасть: тамъ была давка, какъ въ муравейникѣ.

– Кажется гулянье? – замѣтила англичанка. Не лучше-ли было-бы и намъ просто погулять по бульвару?

– Боже сохрани!.. Не видали мы толпы?.. Неужели вамъ не надоѣли эти казенныя гулянья въ Петербургѣ и за границей?.. Нѣтъ, спасибо!.. Ужъ лучше посмотримте на городъ... Жаль коляска двумѣстная, а то я Машу взяла-бы, какъ чичероне...

Англичанка только повела зеленымъ глазомъ на свою питомицу. Идея – брать съ собою на прогулки горничную!.. Но она не сказала ни слова, зная изъ опыта послѣдняго времени, что стоитъ только miss Ladomirsky услышать отъ нея сокрушительный возгласъ: «shoking», – чтобъ немедленно воспылатъ желаніемъ именно это сдѣлать.

Привычный отличать сѣдоковъ кучеръ везъ хорошо, и лихо прокатилъ ихъ мимо вереницы дачъ Малаго фонтана къ спуску въ садъ и морскому берегу, въ эту пору года ярко-зеленому, цвѣтушему бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ и пышно распускавшейся сиреню.

Онѣ прошлись вдоль берега и еще не совсѣмъ отстроенныхъ купалень.

Береговья, красно-бурая осыпи и живописные камни красиво омывались набѣгающими на нихъ волнами. Онѣ шумѣли и пѣнились, налетая на препятствія, разбиваясь каскадами. блестящихъ брызгъ. Цвѣтушіе холмы бѣжали въ даль, сверкавшую бирюзой, золотомъ и изумрудами.

– Какъ хорошо! Какая прелесть! – восхищалась Вѣра.

– Oh! Very pretty, mdeed! – подтверждала ее спутница, осторожно подобравъ юбки, тщательно закутавшись вуалемъ и распустивъ зонтикъ на красной подкладкѣ. – Are we to go much farther?.. Жаль, что дорога не проложена лучше.

– Къ несчастью далеко намъ идти некогда; надо еще побывать въ другихъ мѣстахъ, – успокоила ее княжна. Не то, пожалуй, завтра пріѣдетъ сестра и потащить насъ въ Вѣну, такъ что я не успѣю ничего увидѣть.

– За границей мы увидимъ такъ много прекрасныхъ мѣстъ. И благоустроенныхъ!

– Я больше люблю не благоустроенныя.

– Въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ странно!

– Ничего страннаго. Во-первыхъ, ваша благоустроенная, подстриженная Европа надоѣла мнѣ до смерти; а во-вторыхъ, что можетъ быть лучше природы? Не лучший-ли садовникъ и художникъ – Богъ?..

– Oh! Miss Vera!.. – шокировано вскричала гувернантка. – Какъ можете вы такъ легко выражаться?

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

Когда онѣ вышли на гору, гдѣ ждалъ ихъ экипажъ, два трамвея конно-желѣзной дороги только что высадили публику, и она пестрой, разношерстной гурьбой шла и сбѣгала въ садъ ресторана.

– Вотъ весело такъ ѣхать! – сказала Ладомирская. Я бы съ удовольствіемъ прокатилась.

– О!.. Въ трамвеѣ? – снова изумилась миссъ, старательно оберегаясь отъ столкновений съ вульгарнымъ людомъ.

Вдругъ родная рѣчь поразила ее слухъ. Она взглянула оживленнѣе... Большое общество, изъ многочисленной въ Одессѣ колоніи англичанъ, спускалось имъ навстрѣчу.

– Missis Cregs!

– О, dear me! Miss Jervis?.. Какая встрѣча!.. Какъ вы здѣсь?

– Проѣздомъ. А вы давно-ли въ Россіи?.. Я и не знала!

– Мой мужъ здѣсь получилъ мѣсто инженера, на заводѣ. О!.. Вы пріѣдете и повидаетесь съ нами, не правда-ли?

– Не знаю, право!.. Если позволить время... Miss Vera: это моя дорогая подруга – миссисъ Крегсъ. Моя бывшая воспитанница – my dearest pupil, princess Vera Lodomirsky.

Вѣра, съ удовольствіемъ смотрѣвшая на эту сцену, доказывавшую, что не все превратилось въ патентованную гуттаперчу въ сердцѣ ея невозмутимой компаньонки, подошла и подала руку ея знакомой. Тутъ-же было рѣшено, что, если завтра еще не пріѣдутъ за ними, миссъ Джервисъ проведетъ цѣлый день у своихъ соотечественниковъ.

– Я не совсѣмъ увѣрена въ правѣ-ли я оставить васъ завтра одну, въ незнакомомъ городѣ? – смущенно замѣтила добросовѣстная наставница, когда онѣ сѣли въ коляску.

Но княжна разсмѣялась, напомнивъ, что ей уже не десять лѣтъ и прося ее не стѣсняться.

На Средній и Большой фонтаны уже ходили поѣзды открытыхъ вагоновъ съ локомотивомъ.

Такого рода прогулка казалась княжнѣ гораздо пріятнѣй, потому что на рельсахъ не было пыли, которой такъ обильны окрестности Одессы.

Оба фонтана – сплошные сады, даже просто рощи акацій, среди которыхъ разсыпаны дачи.

На Среднемъ не останавливались: возница ихъ объявилъ, что здѣсь смотрѣть нечего, кромѣ дачъ, изъ которыхъ лучшія далеко, на берегу; а на Большомъ фонтанѣ можно погулять возлѣ Успенскаго монастыря.

Подъехали далѣе. Промелькнула, въ зелени, хорошенькая церковь; спускъ къ морю. Оно изрѣдка поблескивало слѣва, мелькая между высокими берегами. По главной, тѣнистой улицѣ, подъѣхали къ воротамъ монастыря, когда народъ шелъ уже ко всенощной. Съ края утеса на берегу маякъ засвѣтился на поблѣднѣвшемъ небѣ; а правѣй ужъ подымалась луна, осыпая море и землю миллионами блескоковъ.

— Ахъ! Какъ хорошо! Какъ хорошо!.. Что за горе, что мы не успѣемъ погулять по берегу. Ужъ поздно, а мы съ вами не знаемъ здѣсь дорогъ! — жаловалась Вѣра.

— О да! Какъ можно гулять въ такую пору?.. И роса!.. Мало-ли что можетъ случиться?.. Я бы не совѣтовала вамъ выходить, убѣждала миссъ Джервисъ.

— Ну, въ церковь я должна войти! — протестовала ея неутомимая воспитанница. Какое прелестное мѣсто!.. Посмотрите. Эти надгробные памятники среди зелени, въ тѣни деревьевъ, разбросанные между двухъ храмовъ на морскомъ берегу!.. Завтра я приѣду сюда раньше, чтобъ погулять.

— Однѣ?!.. — ужаснулась англичанка.

— А что?.. Разбойниковъ здѣсь нѣтъ. Не беспокойтесь, дорогая миссъ Джервисъ! Я съ собой возьму и Машу и даже Ивана, съ его револьверомъ въ карманѣ... Никто меня не тронетъ! А когда вы вернетесь отъ своихъ знакомыхъ, вечеромъ, то навѣрное застанете меня крѣпко спящей. Ничто не дѣйствуетъ на меня лучше и успокоительнѣй воздуха и далекихъ прогулокъ.

Такъ она и сдѣлала, эта своевольная барышня, утомленная многоразличными увеселеніями, но не обезличенная столичной жизнью.

Едва миссъ Джервисъ отправилась къ своей пріятельницѣ, она объявила Машѣ, что онѣ тоже ѣдутъ съ ней на цѣлый день, на дачи.

— Бери мой маленькій сакъ. Мы возьмемъ туда тартинокъ и апельсиновъ и отлично пообѣдаемъ гдѣ нибудь на берегу.

— Ахъ, барышня!.. А миссъ что скажутъ, какъ узнаютъ? — ужаснулась румяная горничная.

— Это мнѣ все равно!.. — засмѣялась въ отвѣтъ княжна.

— Такъ приказать Ивану позвать коляску?

— Да. Только не на весь день, а въ одинъ конецъ, до паровоза. Ты знаешь, Маша, гдѣ садятся въ вагоны, что ходятъ на Большой фонтанъ?

— А какже!.. Знаю-съ. Я все здѣсь знаю! — вскричала Маша въ восторгѣ отъ предстоящаго удовольствія.

Не менѣе была весела и ея барышня. И весела, и смущена немножко, съ непривычки къ такимъ своевольнымъ, и тѣмъ болѣе одинокимъ прогулкамъ. У нея даже промелькнула мысль: не взять ли ей съ собой Ивана?.. Но она тутъ-же оставила это намѣреніе, сообразивъ, какъ стѣснительно и скучно будетъ имъ обоимъ: пожилому слугѣ слѣдовать за ея безцѣльными блужданіями по садамъ и берегамъ моря, а ей терпѣть его ненужное присутствіе. Довольно и Маши!.. Съ ней она по крайней мѣрѣ не стѣснялась и, къ тому-же, знала, что и ей это большое удовольствіе.

«Ужъ такъ и быть! Справлю разокъ *ekole buissonniere*! — думала она. Надышусь свободнымъ воздухомъ надолго!.. Вѣдь здѣсь меня никто не знаетъ, и никто не узнаетъ, какъ-бы я ни провела день. Хоть нѣсколько часовъ, какъ другіе живутъ. По крайней мѣрѣ будетъ хоть чѣмъ помянуть Одессу! А то вѣдь все смертельно надоѣло!.. Вотъ поѣду съ сестрой — баронессой и ея штатомъ опять въ заморскіе края, на воды! — продолжала она раздумывать, пригорюнившись у окна. Буду тамъ прогуливаться, *trees a quatre epingles*. Слушать тяжелыя любезности графа фрица или звонкія фразы князя Лоло, которыми онъ будетъ звонить взамѣнъ оставленныхъ дома шпоръ и сабли... Буду выслушивать намеки сестры на плохія дѣла отца и на мое неумѣніе поправить ихъ блестящей партіей!..

Еще, пожалуй, и туда пріѣдетъ за мною блистательный Викторъ Наумовичъ Звенигородовъ (вѣдь надобно-же носить такую тяжелую кличку)! — этотъ камеръ-юнкеръ изъ ножевой линіи, — какъ называлъ его *cousin Mkhel*. Помилуй, Богъ!.. Вотъ будетъ несчастіе!.. И подумать, куда дѣваются предрасудки, родовая гордость отца и сестры въ отношеніи къ этому выскочкѣ? Такъ и таютъ, и испаряются при помыслахъ о милліонахъ этого купеческаго сына... Ахъ? Боже мой!.. Неужели-жъ выйти мнѣ за этого лакея въ парижскомъ костюмѣ?!..» Она вздохнула.

«Выходитъ безъ любви, безъ уваженія... а впрочемъ, гдѣ ихъ и взять?.. Къ кому?.. За что?.. Вѣдь ни одного человѣка я не встрѣчала до сихъ поръ такого... Въ самомъ дѣлѣ! Все какіе-то!.. Пустельги, комедіанты или еще того хуже: эгоисты, безчестные корыстолюбцы!.. Ахъ, Боже мой! Да... тяжело жить на свѣтѣ людямъ. И все больше сами себѣ творятъ бѣды... А могла ли бы жизнь быть лучше... А ужъ какъ Божій міръ хорошъ!..»

Она заглядѣлась на сине-зеленую пелену моря. На рейдѣ шла дѣятельная работа; дымились пароходы, мѣрно поблескивали весла, со скрипомъ работали колеса и блоки; на эстакадѣ гремѣлъ и пыхѣлъ паровозъ съ длинной цѣпью товарныхъ вагоновъ. Всюду копошился и хлопоталъ суетливый людъ.

А оно, безбрежное море, свободно и спокойно раскинулось на просторѣ; вольно распѣвало свою, то тихую, то страшную пѣсню; безъ границъ, безъ удержу взмахивало пѣнистыми валами и разстилалось вдаль и вширь, сверкая и нѣжась въ солнечномъ свѣтѣ, подъ яркимъ сводомъ неба, темнѣя и озаряясь вмѣстѣ съ нимъ...

Далеко, на горизонтѣ, двумя крыльями серебрился парусъ. Отсюда не было видно движенія; парусъ, казалось, стоялъ неподвижно, вися между небомъ и моремъ.

«Хотѣлось-бы мнѣ тамъ быть!.. Покачаться надъ бездной, вдали отъ земли и людей!.. Чувствовать себя на вольномъ просторѣ... Хорошо!.. А еслибъ буря?.. Чтожъ! Мнѣ кажется я не испугалась-бы и бури!.. Не всѣ-же въ бурю погибаютъ. А какъ славно должно быть живется тому, кто выплыветъ живой и полный силъ!..»

— Коляска готова, барышня. Княжна!..

— Что?.. Да. Сейчасъ!.. Ну, ѣдемъ. ѣдемъ на синее море!..

Хорошо было и на морѣ, и на землѣ. Берега и верхній, и нижній, цвѣтущей полосой протянувшійся вдоль глинистыхъ обрывовъ, тонули въ другомъ морѣ: въ морѣ пышнаго, весенняго расцвѣта, — въ бѣломъ пуху яблонь и вишенъ, въ розовой жимолости, въ сѣро-лиловыхъ и фіолетовыхъ куцахъ сирени. Свѣжій воздухъ былъ полонъ благоуханій, испареній зѣмли и моря; полонъ движенія и блеска, звуковъ и пѣсень. Высокія, еще нескошенныя травы, жили милліонами населявшихъ ихъ жизней; прозрачныя, не вполнѣ распустившіяся деревья и цвѣтущій кустарникъ звенѣли жужжаніемъ, щебетомъ, шелканіемъ и свистомъ.

Множество скрытыхъ въ зелени дачъ еще не было населено. Горожане ждали жары и лѣтней пыли, чтобъ переселиться изъ своихъ душныхъ квартиръ въ эти свѣжія убѣжища. Охотницамъ до уединенныхъ прогулокъ, подобныхъ предпринятой нашей молодой путешественницей, было раздолье въ этотъ прелестный весенній день.

Благодаря топографическимъ знаніямъ своей горничной, жившей когда-то со своими господами на всѣхъ трехъ Фонтанахъ, Вѣра Аркадьевна вдоволь нагулялась между зелеными холмами, подъ сѣнью цвѣтущихъ садовъ, по еле примятымъ тропинкамъ и по самому побережью, подъ навѣсомъ обрывистыхъ береговъ.

Она отдыхала на пескѣ, доставая зонтикомъ или кончикомъ ботинки пѣнистую грань разбивающейся волны; она перебирала разноцвѣтные камешки, отшлифованные валами, и блестящія ракушки побережья; она сняла перчатки и омочила руки въ прозрачныя воды Чернаго, только по названію, моря. Онѣ обошли всю, такъ называемую Швейцарію, — нижній берегъ между Среднимъ и Большимъ фонта нами.

Съ высокаго обрыва маяка любовались великолѣпнымъ видомъ моря; тамъ же пообѣдали, чѣмъ Богъ послалъ, на одной изъ лавочекъ сада, въ непроницаемой лиловой тѣни широко разросшейся сирени и, благодаря частымъ поѣздамъ, очутились снова у спуска къ морю, на Среднемъ фонтанѣ, когда солнце еще было довольно высоко.

Солнце-то было высоко, только на него напознала съ запада черная, грозная туча... А Вѣрѣ Аркадьевнѣ, между тѣмъ, еще хотѣлось здѣсь остановиться. Маша рассказывала ей о какихъ-то старикѣ и старушкѣ, жившихъ много лѣтъ здѣсь, въ пещерѣ, точь-въ-точь, какъ Пушкинскіе: «у самага синяго моря!..» Такъ вотъ, ей очень хотѣлось посмотреѣть на нихъ и ихъ необыкновенное жильѣ... Маша увѣряла, что это «сейчасъ тутъ, рукой подать...» Куда ни шло!.. Вѣдь ужъ долго, можетъ быть никогда, не дожидаться такого вольнаго дня. Ужъ заодно набратъся впечатлѣній... Черезъ часъ какой-нибудь снова пройдетъ паровикъ и къ семи, восьми часамъ она будетъ дома.

Сказано — сдѣлано! Барышня и горничная вышли изъ вагона и направились прямо по высокому берегу, къ обрыву.

Маша шла, диктуя дорогу, увѣренно.

**Она отдыхала на пескъ, доставая зонтикомъ или кончикомъ
ботинки пѣнистую грань разбивающейся волны...**

Она отдыхала на пескъ, доставая зонтикомъ или кончикомъ ботинки пѣнистую грань разбивающейся волны...

— Вотъ, сейчасъ дойдемъ до края, тутъ будетъ спускъ маленькій; тропочка такая пробита, промежъ камней. Вотъ сейчасъ... Здѣсь!.. Вы возьмитесь за мою руку, барышня! А то, чтобъ съ непривычки, голова не закружилась... Ишь вѣдь, вышина-то какая, страсти!.. И костей не соберешь!

Въ самомъ дѣлѣ, вышина была большая и какой-нибудь аршинъ, не болѣе, отдѣлялъ ихъ отъ бездны и морской пучины. Подъ этимъ выступомъ берега, совсѣмъ не было нижней полосы земли: волны разбивались у его подножья.

Княжна, однако, отказалась взяться за руку Маши. Вотъ вздоръ!.. Отчего ей не пройти тамъ, гдѣ свободно и безопасно пройдетъ Маша? Гдѣ ежедневно ходятъ, за пищей и водой, дряхлые старики, которые тутъ живутъ?..

Имъ надо было спуститься немного вправо; а влѣво, на высокомъ выступѣ берега, сидѣлъ какой-то господинъ, къ нимъ спиною и, казалось, былъ очень занятъ, рисуя или записывая что-то въ лежавшую на колѣнахъ его книгу.

– Ишь! Виды сымаетъ!.. фотографщикъ, должно быть, – шепнула Маша, указывая на него глазами.

– Ну какъ тебѣ не стыдно? – тихонько разсмѣявшись, замѣтила ей княжна. Развѣ ты не видала, какъ фотографіи снимаютъ?.. Онъ просто рисуетъ... Вотъ, срисосываетъ, что видитъ передъ собой.

– А!.. А я такъ полагала, что онъ срисуетъ, а послѣ того у себя и сыметъ.

– Ну, плохія были-бы такія фотографіи! Посмотри: у этого господина и краски. Видишь, какой большой ящикъ?.. Да какъ здѣсь круто!

– Это только немножко!.. Вотъ, сейчасъ и площадка... Тамъ хорошо будетъ посидѣть, отдохнуть Море тамъ все какъ на ладони!

– Большая же у тебя ладонь, Машенька, – снова засмѣялась барышня.

Онѣ спустились по нѣсколькимъ, убитымъ въ грунтъ, ступенямъ и очутились на площадкѣ, выложенной по краю, надъ пропастью, неотесаннымъ камнемъ, въ родѣ балкончика. Направо, внутрь скалы, шло углубленіе сводомъ и въ немъ пробитыя и прилаженные прямо въ грунтъ, грубыя маленькія двери и оконце въ комнату-пещерку.

При появленіи ихъ, старушка, сидѣвшая передъ входомъ въ коморку на завалинкѣ, привстала и привѣтливо имъ поклонилась.

– Здравствуй, бабушка!.. «Вотъ барышня къ тебѣ въ гости пришла», – сказала Маша.

...Влѣво, на високомъ выступѣ берега, сидѣлъ какой-то господинъ..

— Очень рада гостямъ, милости просимъ!.. Отдохнуть не угодно-ли? Я стульце вынесу.
— Благодарю васъ. Не трудитесь! — едва нашлась выговорить Вѣра.
Она была, вообще, мало знакома съ житьемъ— бытиемъ народа.

Но это полувоздушное жилище въ земляной норѣ, на высотѣ двадцати саженой, въ виду лишь неба да безбрежнаго моря ее поразило!.. Она заглянула въ пещеру за дверью. Тамъ были прилажены двѣ койки, одна пустая, другая покрытая неказистой постелью; въ одномъ углу доска для кое-какой посуды, въ другомъ – потемнѣвшая икона съ теплившейся передъ ней лампадкой. Меблировка завершалась деревяннымъ сундучкомъ и крохотной желѣзной печкой. Натуральныя стѣны были кое-гдѣ покрыты картинками изъ старыхъ иллюстрацій и модныхъ журналовъ. Все было чисто, даже ситцевая подушка и теплое одѣяло, сшитое изъ кусочковъ ситца, прикрывавшее сѣнникъ да старенькій полушубокъ, служившіе постелью. Въ натуральныхъ же сѣняхъ, подъ сводомъ, стояла кадушка съ водой, таганокъ, ведро, метла, да кучка углей, прикрытая разбитымъ ящикомъ.

Старуха вынесла грубо сбитую скамейку, смахнула съ нея пыль фартукомъ и еще разъ попросила барышню присѣсть, отдохнуть.

Маша, между тѣмъ, прислонилась къ стѣнѣ и спросила:

– А что-жъ это, бабушка, ты нынѣ одна?.. Гдѣ же старикъ-то твой?

– А нынѣшней зимою скончался, царство ему небесное!.. Какъ разъ это о Николинъ день прихворнулъ что-то съ вечера, а къ утру и Богу душу отдалъ.

– Ишь ты!.. И никого тутъ у васъ не было при этомъ? Одна ты?.. Никто ему помощи не далъ?

– И-и!.. Какая у насъ помощь, дѣвушка? Богъ съ тобою!.. Не пришло бы ему поры – и самъ бы еще отошелъ; а какъ часъ насталъ и послалъ Богъ по душу, – ну и скончался!.. Да тихо такъ, Господь съ нимъ! Я и не слыхала, какъ отошелъ... Уморила я съ нимъ съ вечера; выюга была, снѣгъ. Я-печку-то растопила, – спасибо, добрые люди подарили намъ осенью печечку эту самую; а то, допрежде того, таганомъ мы съ нимъ въ холода пробавлялись, никакъ невозможно было согрѣться. А тутъ, я растопила ее жарко, да такъ-то сладко уснула, что чудо! На зарѣ просыпаюсь, слышу – смиренъ старикъ. Ну, думаю, полегчало знать: уснулъ!.. А какое уснулъ? Какъ разъяснѣло, я встала, да къ нему: а онъ-то ужъ холодный!.. Насилу одѣла я его, да расправила, на койкѣ... А то и въ гробъ не уложить-бы.

– Значить, спокойно старичекъ померъ?..

Тихо?..

– Должно быть тихо... А можетъ, что и сказывалъ передъ смертью, да ослабъ, кричать не въ моготу было, – я и не слыхала... Тутъ, вѣдь, крикомъ кричать надо, когда море разбушуетъ. Мы съ нимъ, отъ этого реву да плеску, совсѣмъ глухіе стали. А въ ту ночь такая выюга была. Волны да вѣтеръ шумѣли ужаси какъ. А я, на бѣду, уснула крѣпко...

«И какъ это все просто, Боже мой! – размышляла княжна, прислушиваясь къ безхитростнымъ рѣчамъ старухи. Живутъ словно птицы, всю жизнь проводятъ въ какой-то норѣ; умираютъ – безпомощно и не ропщутъ!.. Не жалуются, – такъ и быть должно... Вотъ жизнь! Вотъ люди!.. А мы-то?.. Да запри насъ на три дня въ такое подземелье, такъ мы-бы пропали!»

– Ну и какъ же ты справилась, бабушка, какъ онъ померъ?.. По снѣгу-то, по морозу, чай трудно было?

– Что-жъ дѣлать?.. Сходила я къ батюшкѣ, прислалъ онъ гробъ, да двоихъ людей; сосѣди пришли тоже на помощь, къ вечеру и схоронили. А что снѣгъ, такъ мы ко всякой погодѣ привычны! Не даромъ двадцать лѣтъ прожили въ этой хаткѣ.

– Двадцать лѣтъ?!.. – вскричала Вѣра.

– Такъ, милая барышня. Двадцать лѣтъ съ полугодомъ ровнехонько минуло, какъ мужъ ее своими руками выдолбилъ.

– Но зачѣмъ-же?.. Неужели вы были такъ бѣдны, что не могли жить хоть въ лачужкѣ, да съ людьми?

– А на что намъ людей?.. Богъ съ ними!.. Отъ нихъ мало добра, а больше горя мы видывали. Прежде мы, какъ въ Одессу пришли, на Молдаванкѣ много времени жили, а послѣ сюда перебрались... Оно и по бѣдности нашей, и по работѣ, по мужниной, здѣсь намъ было жить сподручнѣй. Старикъ мой былъ каменоломъ промысломъ.

Вотъ онъ отсюдова камень вырубаль, да свозиль на продажу, и вырубиль себѣ эту пещерку... Намъ тутъ хорошо жилось, пока въ силахъ онъ былъ. А вотъ, какъ оставить работу пришлось, да жить чуть что не однимъ подаяніемъ, – тутъ тяжеленько стало!.. Да и то свыклись! И свыклись, и добрые господа насъ не оставляють... Особливо дачники здѣшніе, дай имъ Господи здоровья!

Вѣра Аркадьевна нащупала въ карманѣ портмоне; но, съ непривычки, ей совѣстно было ни съ того, ни съ сего, вынуть и дать ей денегъ.

«Уходя положу на лавку, она и возьметъ ихъ», – рѣшила она.

Пока барышня засматривалась на море, удивительно быстро мѣнявшее цвѣта и освѣщеніе, горничная продолжала свои распросы и «бабушка» словоохотливо рассказывала ей всю однообразную свою жизнь.

Не по своей, а по господской и родительской волѣ шла она замужъ шестнадцатилѣтней дѣвкой за человѣка лѣтъ подъ сорокъ. Потомъ стерпѣлась и сжилась съ нимъ до того ладно, что какъ погорѣли они и крѣпко обѣднѣли, она своего старика не разлюбила, а пошла вслѣдъ за нимъ, на заработки. Пришли они въ Одессу; строилась она тогда, рабочіе были нужны, хорошо оплачивались, а жизнь, въ тѣ поры, очень дешевая была. Послѣ – куда! Вдесятеро все дороже стало; а что ужъ нынѣ дѣлается, – люди сказываютъ, сама она ужъ много лѣтъ въ городу не бывала, – такъ и не приведи Богъ!.. Совсѣмъ бѣдному человѣку житья нѣтъ. И воровство, говорятъ, озорничество завелось – бѣда какое!..

– Вотъ то-то же! И не страшно тебѣ здѣсь жить – то одной, бабушка?

– Ни чуточки!.. Чего же бояться? Взять у меня нечего; человѣкъ я убогій, старый; ото всѣхъ въ сторонкѣ живу: зла никто на меня не можетъ имѣть...

Кому и за что меня обижаютъ?.. Да ко мнѣ мало кто и ходъ знаетъ. Вотъ лѣтомъ еще меня частенько господа навѣщаютъ; а что зимой, – я другой разъ по мѣсяцу людей не вижу. Развѣ что рыбаковъ. Заходятъ ину пору, такъ они же меня рыбкой надѣляютъ; а то и хлѣбца, крупъ какихъ, чего попрошу, они мнѣ отъ сына, изъ городу, доставляютъ...

– А у тебя и сынъ есть? Зачѣмъ же ты съ нимъ не живешь?

– А зачѣмъ я буду у него заработки отымать? Онъ тоже, поди, не въ богатствѣ живетъ, да и свою семью имѣетъ. А мнѣ и здѣсь, благодареніе Богу, живется не по грѣхамъ... О-хо-хо!..

Она сокрушенно и продолжительно вздохнула.

Нѣту!.. Меня здѣсь никто не обидитъ, и сама я къ своей хатѣ, да къ морю привыкла. Я бы, кажется, теперь не смогла бы въ домѣ, взаперти, промежду стѣнокъ жить... То ли дѣло здѣсь! Солнце раннимъ утречкомъ тебя будитъ; мѣсяцъ вотъ, всю ночь свѣтитъ, вотъ какъ теперь... Ишь, благодать какая!.. Нѣту! Здѣсь мнѣ хорошо. Здѣсь состарилась, – здѣсь и умру!

Вѣра Аркадьевна давно любовалась чудной картиной, на которую указывала старуха. Изъ углубленія скалы, гдѣ онѣ сидѣли, открытое море и часть небеснаго свода являлись, по истинѣ, какъ въ рамѣ картина. Черная туча, въ которую солнце только что сѣло, уже выплыла на полъ-неба, но имъ ея не было видно; однако тихое, только что сине-зеленое море, изъ-за нея уже потемнѣло. Все-же тишина была полная, когда изъ-за морской глади показался яркій краешекъ луны, огненно-красный. Востокъ вспыхнулъ, какъ въ пожарѣ, и вся водная пелена перерѣзалась багровымъ столпомъ... Но, по мѣрѣ того, какъ она всплывала, полная, кровавая и, всплывая, сама блѣднѣла, – потухало и ея зарево. Небо и вода переходили изъ багрянца въ алый цвѣтъ, потомъ въ свѣтло-оранжевый и, наконецъ, въ золотисто-туманный, изъ котораго разсыпались снопы бриллиантовыхъ искръ и лучезарнымъ путемъ разстилались до самаго берега.

Рыбачьи лодки, парусныя яхты были разбросаны по необъятной глади и, когда онѣ входили въ полосу свѣта, то такъ отчетливо на ней вырѣзались, что въ ихъ черныхъ силуэтахъ можно было сосчитать всѣ снасти.

Ничего величественнѣе и прекраснѣе этой оригинальной картины никогда не видывала и представить себѣ не могла свѣтская барышня, взросшая въ гостиныхъ, въ подстриженныхъ цвѣтникахъ и паркахъ.

Она стояла и смотрѣла, какъ очарованная! Внѣ себя отъ восхищенія, забывъ все окружающее, она уже не слышала монотоннаго голоса старухи и вопросовъ своей камеристки, какъ вдругъ ее привелъ въ себя сильный трескъ и яркій свѣтъ молніи, разорвавшій, надъ головой ея, край тучи, выползшій изъ-за горы.

Въ ту же минуту съ запада пронесся сильный порывъ вѣтра, лунное сіянье заколебалось и міриады блескохъ заходили по зарябившемуся морю...

– Ай, батюшки! Никакъ гроза? – спохватилась Маша. И дождикъ!.. Вотъ бѣда!

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ Вѣра ясно сознала, что кругомъ нея творится, всѣ краски потухли, ясная даль подернулась подвижной завѣсой и тяжелыя капли дождя защелкали по площадкѣ, по горѣ, зачастили въ пространствѣ.

– Скорѣе, Маша! – встрепелась она. Скорѣе бѣжимъ! Слышишь?.. Вотъ, кажется, свистокъ паровоза?.. Еще успѣемъ добѣжать.

Но пока она вынимала деньги изъ портмоне, пока прощалась со старушкой, туманъ и шумъ дождя сразу усилились, и все превратили въ хаосъ...

Въ ту же минуту изъ-за поворотъ скалы, на ихъ узенькомъ балкончикѣ-террасѣ показался человѣкъ. Онъ согнулся въ три погибели, закрывая собой отъ потоковъ дождя какую-то ношу и только очутившись предъ входомъ въ пещеру, защищенную отъ ливня, выпрямился и весело закричалъ:

– Ну, бабуся! Вотъ я и опять къ тебѣ за спасеніемъ!.. Видно суждено мнѣ у тебя въ ненастье гостить.

Онъ вдругъ остановился, разобравъ, въ тѣни свода, постороннихъ лицъ.

Мѣста въ этихъ природныхъ сѣнцахъ подъ сводомъ было такъ мало, что обѣимъ дѣвушкамъ пришлось посторониться при его появленіи; но, когда вновь пришедшій очутился подъ навѣсомъ пещеры, княжна, а за ней и Маша рѣшительно вышли изъ-подъ него, готовясь храбро идти впередъ, несмотря на потоки дождя.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ въ недоумѣніи и рѣшительно сказалъ.

– Неужели вы думаете идти?.. Нѣтъ! Бога ради! Это невозможно!

Тонъ его былъ такъ испуганно-убѣдительно, что Ладомирская остановилась.

– Но что-жъ намъ дѣлать? – неувѣренно произнесла она. Поѣздъ уйдетъ?

– Да онъ ужъ ушелъ. Надо ждать слѣдующаго. Идти-же теперь, по этой скользкой тропинкѣ надъ пропастью, – немыслимо! Да посмотрите, какой градъ!

На платформу падали крупныя градины.

Внѣ защиты скалы градъ зарыбилъ частой сѣткою... Вѣра невольно подалась назадъ.

– Взойдите, барышня! Взойдите скорѣй въ мою горенку! – суежилась старуха. Здѣсь сейчасъ разливное море будетъ. Это ужъ я знаю!.. Сверху потечетъ и съ боковъ нанесетъ дождя и граду. Ишь вѣдь, какъ его постукиваетъ! Словно орѣхи падаютъ, право!.. Вѣдь вотъ, какая напасть вышла!.. Ай-ай-ай! Что тутъ подѣлаешь?..

– А и ничего, голубушка, не подѣлаешь! – смѣясь, добродушно перебилъ ее пришедшій. Подождать надо, какъ я намеренъ переждать, помнишь? Когда я, въ твое окошечко, море срисовывалъ!..

Онъ вошелъ, согнувшись, въ дверь комнатки и сталъ осматривать свой альбомъ и краски, которые такъ усердно оберегаль отъ дождя, расположившись на пустой койкѣ.

– Барышня! – шепнула Маша стоявшей въ печальномъ раздумьи княжнѣ. А вѣдь это тотъ самый, что я фотографщикомъ обозвала.

– А Богъ съ нимъ!.. Что мы теперь дѣлать-то съ тобою будемъ?.. Вотъ несчастіе!..

Ей не хотѣлось входить въ душную коморку, но потоки воды, обливавшіе открытую часть пещеры, заставляли ихъ отступать въ глубину ея. Старушка усердно устранила воду метлою, направляя ее въ отверстіе для стока, – но это мало помогало, вода не слушалась ея стараній.

– Взойдите въ горницу, сударыня! – упрашивала она; тамъ порогъ, туда вода не заливаетъ.

Дѣлать было нечего. Вѣра вошла въ комнатку. Молодой человекъ, при ея появленіи, всталъ и предложилъ ей мѣсто на койкѣ, самъ присѣвъ на сундучекъ.

Такъ сразу стемнѣло, что свѣтъ лампадки оказывался ярче сѣрой мглы, едва обрисовывавшей окошко. Частые удары грома потрясали всю гору и заставляли хозяйку и Машу, стоявшихъ въ дверяхъ, каждый разъ испуганно креститься.

Съ минуту длилось молчаніе; потомъ молодые люди взглянули другъ на друга... Онъ сдерживалъ невольную улыбку; она тоже старалась направить мысли свои на трагизмъ своего положенія, чувствуя, однако, что комизмъ его одолеваетъ... И одолѣлъ!.. Оба еще разокъ посмотрѣли на свои жалостныя позы; подумали о смиреніи своего невольнаго бездѣйствія, о безпомощномъ положеніи своемъ въ этой подземной норкѣ, между бушевавшими моремъ и небомъ, гдѣ все теперь слилось во мглу и хаосъ – и оба разомъ засмѣялись...

– А что, если такъ затянется до утра? – предположила она.

– Придется дурно провести ночь! – весело отвѣчалъ онъ.

Вѣра вдругъ сдѣлалась серьезна. Она вспомнила объ ужасѣ миссъ Джервисъ, еслибы она не вернулась. А какъ вдругъ еще пріѣдетъ сегодня сестра?!.. Боже мой! Что она надѣлала!..

– Но вѣдь это ужасно! – вскричала она, готовая сквозь смѣхъ заплакать. Зачѣмъ вы меня остановили?! Я увѣрена, что благополучно бы перешагнула эти опасные полтора аршина надъ обрывомъ.

– За это трудно поручиться. А подумайте, какая несравненно ужаснѣйшая катастрофа, чѣмъ вашъ временный арестъ, могла бы случиться, еслибъ вы рискнули – и поскользнулись!.. Помилуй, Богъ!..

– Но я боюсь, что мое позднее отсутствіе надѣлаетъ мнѣ непріятностей.

– Все же меньшихъ, надо думать, чѣмъ трагическая гибель на утесахъ Черноморскаго побережья?.. замѣтилъ онъ добродушно улыбаясь.

– Будто она была-бы неизбежна, если-бъ я васъ не послушалась?

– Не знаю. Но думаю, что одно предположеніе возможности ея должно убѣдить васъ, что выбора не было. Лучше рисковать гнѣвомъ вашихъ родителей за позднее возвращеніе къ домашнему очагу, чѣмъ безысходнымъ отчаяніемъ ихъ, въ случаѣ несчастія. Не правда-ли?

Она посмотрѣла на него, но въ сумракѣ можно было только разглядѣть бѣлые зубы, блестящіе изъ— подъ темно-русыхъ усовъ, приподнятыхъ улыбкой, да тонкую руку незнакомца, на которую падалъ лучъ лампы.

«Я увѣрена, что онъ порядочный человѣкъ! — подумала Вѣра Аркадьевна. Это видно и по тону его» ...

Невольная улыбка снова освѣтила лицо ея. «Еслибъ знали мои о томъ, гдѣ я и что дѣлаю!.. Какъ я дружески бесѣдную въ пещерѣ, надъ Чернымъ моремъ, съ неизвѣстнымъ мнѣ молодымъ человѣкомъ!.. Боже мой! Да у тетушки Ольги Валерьяновны навѣрное, отъ ужаса, сдѣлался бы ударъ!»

Мысль эта такъ ее разсмѣшила, что она, дѣйствительно, засмѣялась и, чтобъ какъ нибудь объяснить свой смѣхъ, поспѣшно заговорила:

— Къ домашнему очагу, говорите вы? О!.. Очагъ мой очень далеко отъ Одессы; а гнѣваться на меня здѣсь можетъ развѣ только компаньонка моя, англичанка, съ которой я ѣду за границу.

— А!.. Вотъ видите-ли! Тѣмъ лучше... «Хотѣлось бы мнѣ знать, кто эта дѣвушка?..» «Какъ бы узнать, кто онъ такой? — одновременно подумали оба. Развѣ спросить?!

Ну, вотъ еще вздоръ! Какое мнѣ до него дѣло?.. Зачѣмъ мнѣ знать?..»

— Какъ же это вы, проѣздомъ здѣсь, и попали въ такое захолустье, о которомъ мало кто изъ жителей Одессы даже знаетъ?

— Да! Я поѣхала прогуляться, а вотъ моя дѣвушка, Маша, — она здѣсь прежде жила, — заинтересовала меня рассказами объ этой старушкѣ и ея пещерѣ, я и зашла посмотрѣть, — на свое горе!

Она засмѣялась.

— Понимаю. Любознательность въ васъ заговорила?

— Да, можетъ быть... А вы развѣ не русскій?

— Я?

— По вашему говору мы должны, кажется, быть соотечественники.

— Да... Впрочемъ не совсѣмъ. Я одесситъ.

— Это что же значить? Иностранное племя?.. — Развѣ одесситы-люди особой національности?..

— Почти!.. Мы, извините за слово, — еслибъ тутъ ваша англичанка была, она сочла бы меня за зулуса! — Но я все-таки скажу мы, одесскіе люди, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.

— Вотъ удивительное дѣло!.. Почему-же?

— Да такъ. Ужъ городъ нашъ такой, космополитный... Чисто русскихъ здѣсь мало. Прислушайтесь къ говору: какъ онъ испорченъ! По— русски говорятъ здѣсь хорошо только пріѣзжіе изъ Россіи, которые еще не успѣли ободесситься. А здѣшніе всѣ перемѣшались искони въ такую кашу, въ которой разобраться очень трудно.

— Да какъ же такъ? Я не пойму!

— Перероднились съ иностранцами. Русскіе переиностранились, а иностранцы — обрусѣли и обмалороссиились. Изъ этого и выходитъ, что вы здѣсь найдете: итальянцевъ — съ русскими фамиліями, а чистыхъ хохловъ — съ итальянскими; людей иностраннаго происхожденія и даже подданства — руссофиловъ и хохломановъ и такъ далѣе... А что до нарѣчій, симпатій и всевозможныхъ національныхъ чертъ, то всѣ націи у насъ до такой степени перемѣшались, что вы никогда не узнаете ни по фамиліямъ, ни по говору, кто говоритъ съ вами: русскій, англичанинъ, французъ, нѣмецъ, хохоль, славянинъ или даже грекъ, итальянецъ или какой нибудь восточный человѣкъ... Увѣряю васъ!..

— Вы клевете... Ужъ извините, но въ васъ нельзя сразу не узнать русскаго. И я увѣрена, что вы совсѣмъ, чисто русскій!

— Можетъ быть, но...

— И фамилія ваша тоже, навѣрное, русская.

— Не ручайтесь!

— Неужели нѣтъ?

– Судите сами, но не забывайте, что, хотя бы и такъ, вѣдь одна ласточка не дѣлаетъ весны!.. Напротивъ: исключенія подтверждаютъ правила...

– О!.. Не заговаривайте меня фразами! – засмѣялась княжна. Извольте каяться!

– Я готовъ.

Онъ всталъ и съ улыбкой и глубокимъ поклономъ назвалъ себя:

– Вольно-практикующій художникъ Юрій Арданинъ...

Послѣдній слогъ фамиліи его былъ заглушенъ сильнымъ раскатомъ грома и ей послышался иначе. Она отвѣчала на поклонъ, но въ то же время подумала:

«Юріардани?.. Какая странная, въ самомъ дѣлѣ, фамилія!..»

И вдругъ ей, ни съ того ни съ сего, стало досадно. Она встала и, почти касаясь головою свода землянки, смотрѣла въ оконце, въ непроглядную мглу и непогоду. Онъ смотрѣлъ на нее сбоку...

«Спрошу, куда ни шло!» – подумалъ онъ и рѣшился.

– Смѣю-ли спросить, кому я имѣлъ честь представиться?..

Ее это изумило. Зачѣмъ ему? «Вотъ еще! – внутренно возмутилась въ ней княжеская спѣсь. Стану я называть себя каждому встрѣчному проходимцу!.. Чтобъ еще рассказывать!»

– Звенигородова! – выговорила она вдругъ, совершенно неожиданно для самой себя и тутъ же очень удивилась.

«Господи! Зачѣмъ это я?.. Съ чего?.. И за что-я-его-то проходимцемъ называю?.. Какъ все это глупо!»

– Звенигородова?.. – тоже неожиданно удивился ея собесѣдникъ. Не изъ сибирскихъ-ли? Не родственникъ-ли вамъ извѣстный Викторъ Наумовичъ?.. Этотъ миллионеръ?

– О, нѣтъ!.. – вся испуганно вспыхнувъ, отреклась Вѣра. А вы его знаете?

– Какже! Имѣю честь состоять въ quasi пріятельскихъ отношеніяхъ. Встрѣтились за границей и онъ ко мнѣ возымѣлъ сердечное влеченіе. Скажите пожалуйста: онъ вамъ нисколько не родственникъ? Чужой совершенно?

– О да!.. Совершенно.

– И слава Богу!

– Почему?

– Да... ужъ очень онъ какой-то! – сказалъ онъ и засмѣялся; но вдругъ спохватился, усумнившись:

– Однако, вы съ нимъ, кажется, знакомы?

– Да... Немножко.

– Извините! Я быть можетъ... Онъ запнулся.

– О! Не стѣсняйтесь. Я сама о немъ невысокаго мнѣнія.

«Ахъ! Какъ досадно, что я вздумала назвать ему эту фамилію! – размышляла она. Вотъ грѣхъ попуталь!.. Всякую другую онъ позабылъ бы скорѣе... А, впрочемъ, вѣдь мы навѣрное видимся въ первый и послѣдній разъ въ жизни...»

– А вотъ, кажется, и свѣтлѣетъ!

– Да, слава Богу!.. Авось можно будетъ поспѣть къ восьми-часовому поѣзду.

– Послѣдній идетъ въ девять часовъ; навѣрное успѣете не къ тому, такъ къ другому. Но прежде вы мнѣ позвольте сдѣлать рекогносцировку мѣстности?..

Онъ вышелъ изъ komórki подъ сводъ пещеры. Градъ прошелъ и дождь унимался. Старухѣ удалось, наконецъ, отвести воду къ стоку, такъ что выйти оказалось возможнымъ.

– Еще минутъ десять и можно будетъ рискнуть, – сказалъ онъ, обернувшись къ открытымъ дверямъ, къ которымъ она подошла. Но только дайте мнѣ время осмотрѣть путь.

– Но зачѣмъ же я буду затруднять васъ?.. Мнѣ право совѣстно!

– Какое-жъ затрудненіе? Помилуйте!.. Вѣдь надо же мнѣ для себя самого посмотреть. Если не собой, то своими красками и альбомомъ, я ни за что не рискну.

– Жаль, что здѣсь темно, а на площадкѣ мокро!.. Я бы попросила вашего позволенія, посмотрѣть рисунки. Я очень люблю живопись.

– О! У меня только эскизы. А посмотрите лучше, какая передъ нами картина!

Какой художник мог бы изобразить что-либо подобное!..

Вѣтеръ уносилъ обрывки черныхъ тучъ на югъ. Изъ-за нихъ жемчужный шаръ луны безпрестанно выкатывался, мгновенно все освѣщаль серебрянымъ сіяньемъ и снова скрывался, лишь озаряя края облаковъ лучезарной бахромою. За горой западъ очистился и, хотя солнце уже сѣло, зарево его горѣло еще ярко и, съ другой стороны, окрашивало небо и море золотисто—пурпурнымъ отсвѣтомъ, а чернымъ тучамъ, въ которыхъ по временамъ еще вспыхивали молніи, придавало багровый, зловѣщій колоритъ. Море холодило плавными размахами, безъ пѣны, но все взбудораженное дождевою рябью, отливая всѣми Цвѣтами перламутра и золота, въ разнообразіи этого фантастическаго освѣщенія.

Вызванная восторженнымъ восклицаніемъ своего новаго знакома за порогъ, Вѣра остановилась, пораженная красотой и величіемъ этого необыкновеннаго зрѣлища.

— О! Боже мой!.. — тихо произнесла она, невольно сложивъ руки, какъ на молитву.

Минута прошла въ безмолвномъ восторгѣ. Торжественность ея еще увеличивалась раскатами дальняго грома, гроза пронеслась, но уходя, еще издали напоминала свою силу.

Косыя линіи дождя, бороздившія пространство, рѣдѣли. Все просвѣтлѣло и притихало...

Воцарялась чудная лѣтняя ночь, полная таинственныхъ силъ и звуковъ возрожденія всей природы къ новой жизни, подавленной было ревомъ пролетѣвшей грозы.

Вѣра все еще стояла забывшись, любясь великими силами неба и моря, когда Арданинъ, побывавъ на своей недалекой рекогносцировкѣ, вернулся, съ выраженіемъ нѣдоумѣнія на энергическомъ лицѣ и, переговоривъ шепотомъ съ хозяйкой, не слушая ея сѣтованій и возгласовъ, обратился къ Вѣрѣ Аркадьевнѣ, говоря очень мягко, словно чувствовалъ себя виноватымъ.

— Не тревожьтесь, прошу васъ! Я надѣюсь, что скоро поправлю дѣло. Представьте себѣ, что мы, въ настоящую минуту, совершенно отторгнуты отъ живаго міра... Между нами и имъ — пространство!

— Какъ?.. Что вы говорите? — опомнилась княжна. Я васъ не понимаю!

— Образовался обвалъ. Вотъ видите: слава Богу, что я не пустилъ васъ идти! Тропинка надъ обрывомъ и загораживавшіе ее камни, все осыпалось! Все смыто и сѣхало въ пропасть, будто не бывало.

— Господи!.. Что же мы будемъ дѣлать? — въ ужасѣ вскричала молодая дѣвушка.

— Бога ради не тревожьтесь! Почва здѣсь глинистая, рыхлая. Я увѣренъ, что прорублю новыя ступеньки менѣе чѣмъ въ полчаса. Вѣдь, всего какой-нибудь аршинъ или два... На наше счастье, у старухи есть топоръ и кирка, — все что надо! Пожалуйста успокойтесь. Я вамъ ручаюсь, что вы, черезъ часъ, будете благополучно въ вагонѣ.

Онъ оставилъ ее на террасѣ, а самъ исчезъ въ земляномъ корридорѣ, который велъ къ тропинкѣ. Тамъ, снявъ верхнее платье, онъ при свѣтѣ луны, энергически принялся за работу. Управляясь съ киркой и лопатой, словно настоящій землекопъ, онъ шагъ за шагомъ прорубалъ тропку въ почти отвѣсномъ обрывѣ. Благодаря глинистой, отсырѣвшей почвѣ, ему скоро удалось очистить достаточно мѣста, чтобы пройти.

Маша, слѣдившая за его дѣломъ съ замираніемъ сердца, каждую минуту являлась съ докладомъ къ барышнѣ, тревожно ждавшей исхода его. Вѣра Аркадьевна сидѣла на площадкѣ, глядя на сіявшее, усмиренное море и стараясь успокоить бурныя чувства великой тишиной, сходившей на всю природу. Все случившееся было такъ необычайно, что казалось ей сномъ или отрывкомъ изъ чуждой ей жизни. Какое счастье, что этотъ сильный, рѣшительный молодой человѣкъ былъ съ ними!.. Богъ знаетъ, какъ трагически окончился бы для нея этотъ день, еслибъ онъ не былъ по-близости и не приютился тоже сюда... Какое странное знакомство!.. Еслибы не эта фамилія, его можно бы счесть вполне порядочнымъ человѣкомъ... То есть человѣкомъ ихъ круга! — мысленно поправила она самое себя. Какъ досадно, что она не можетъ отрѣшиться отъ такихъ предразсудковъ?.. Что за исключительность? За нетерпимость?.. Будто нельзя быть вполне порядочнымъ человѣкомъ, не принадлежа, по рожденію, къ высшему обществу. Какой вздоръ!..

Хоть бы тот же князь Лоло – лучше со своими пустозвонными фразами, хвастовством, да анекдотами о цыганках! Или этот рыжий дѣтина, именемъ котораго она воспользовалась, – Звенигородовъ. Онъ вѣдь тоже мѣтитъ во дворянство, больше: въ аристократы! Еще бы! Не шутка вѣдь состоятъ въ званіи камеръ-юнкера!..

Безспорно деньги его во дворянство вывели... А возможно ли быть вульгарнѣе его?

И почему-то княжнѣ Ладомирской стало еще противнѣе воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ, котораго ея семья ей прочила въ мужа.

Вдругъ она вскочила съ мѣста въ тревогѣ, вспомнивъ, что назвалась его именемъ.

«И зачѣмъ, зачѣмъ я сдѣлала эту глупость? Это надо исправить. Надо сказать, ему, что это глупая шутка...»

Свистъ локомотива прервалъ ея размышленія. «Это вѣрно послѣдній поѣздъ. Если онъ уйдетъ прежде, чѣмъ этотъ... Юріардани окончить путь – всякое сообщеніе прервется съ городомъ до утра...»

– Маша! – позвала она испуганно – слышишь?.. Послѣдній поѣздъ идетъ!

– Ничего-съ! – отвѣчала дѣвушка, тотчасъ появляясь изъ-за выступа почвы. – У нихъ сейчасъ готово!.. Такія ступеньки сдѣлали, что лучше прежнихъ.

Ну, ужъ и баринъ, молодецъ!.. Дай Богъ имъ здоровья! Что бы теперь мы сдѣлали безъ нихъ?

– Да, Машенька! Ужъ правда, что попались бы мы съ тобой. Съ голоду, пожалуй, умерли бы, пока бы насъ увидали и вытащили изъ этой ямы. Да и старушка бѣдная! Какъ бы она вышла отсюда завтра утромъ?

– Ужъ и то! Она ихъ такъ благодарить, просто руки цѣлуетъ... «Пропала бы моя головушка, говоритъ. Сколько лѣтъ безъ бѣды жила, а тутъ вдругъ такая напасть!..» А они, баринъ-то, смѣются, ее успокоиваютъ. «Я, говорятъ, завтра пришлю тебѣ настоящихъ рабочихъ, чтобы они тебѣ проложили прочную дорожку, отъ грѣха. Будь, говорятъ, спокойна!..» Славный баринъ такой! Веселый. И видать, что хоть умѣютъ топоромъ работать, а изъ хорошихъ господъ.

– Ну еще бы! – съ улыбкой согласилась княжна.

А сама подумала:

«Юріардани!.. Что за несообразная фамилія!..»

– Это намъ съ тобой наука, Маша, впередъ не пускаться въ такія прогулки однѣмъ... Слава Богу, что такъ вышло!.. Только бы на поѣздъ не опоздать.

– Нѣту-съ! Вѣдь онъ это еще туда, – на Большой фонтанъ пошелъ. Пока назадъ вернется, ужъ мы тамъ будемъ.

Будто въ подтвержденіе ея словъ, въ эту самую минуту въ нѣсколькихъ шагахъ, скрытый отъ нихъ горою, Арданинъ бросилъ топоръ и кирку, разъ и другой прошелся по вновь проложенному имъ пути и весело воскликнулъ:

– Ну, бабуся! Давай мнѣ теперь скорѣе руки помыть и одѣться. Надо спѣшить, чтобы бѣдная барышня въ городъ не опоздала.

Черезъ пять минутъ онъ возвѣстилъ Вѣрѣ Аркадьевнѣ, что все готово.

Опасный переходъ надъ морскими пучинами совершился не безъ замиранія сердца, но благополучно, при помощи двухъ сильныхъ молодыхъ рукъ, готовыхъ, при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ, удержать въ своихъ объятіяхъ княжну Ладомирскую... то есть М-Пе Звенигородову...

Несмотря на рѣшимость княжны признаться Арданину въ своемъ обманѣ, она, еще нѣкоторое время, должна была носить въ его мысляхъ эту ненавистную ей фамилію. Точно также какъ самъ онъ, благодаря грому и своей шуткѣ по поводу «одесситства», долженъ былъ, въ ея воспоминаніи, пребывать полуиностранцемъ, съ странной кличкой Юріардани.

Она, сама, не зная почему, была увѣрена, что онъ тоже поѣдетъ въ городъ, что ей еще будетъ время повиниться въ своемъ прегрѣшеніи. Оказалось, что она ошиблась.

Молодой человѣкъ довелъ ихъ какъ разъ вовремя; усадилъ въ вагонъ и почтительно раскланялся какъ разъ въ ту минуту, какъ раздался послѣдній свистокъ.

– Какъ?.. А вы?.. Развѣ вы не поѣдете? – спросила она, удивленная.
– Если вы прикажете васъ проводить!
– Меня? О, нѣтъ!.. Благодарю васъ!.. Я ужъ и такъ не знаю, какъ васъ благодарить. Но я думала, что вы сами живете въ городѣ.

– Нѣтъ. Пока я здѣсь на дачѣ... Поѣздъ двинулся.
– Желаю вамъ счастливаго пути въ Одессу и дальше, куда бы вы ни отправлялись.
Онъ стоялъ передъ ней улыбаясь, приподнявъ шляпу... Секунда нерѣшимости, и она протянула ему руку.

– Я никогда не забуду вашей услуги... Еще разъ благодарю васъ!

– Не за что!.. Я тоже никогда не забуду нашей встрѣчи!

Арданинъ соскочилъ со ступеньки вагона въ траву, и пока поѣздъ былъ въ виду, стоялъ съ непокрытой головою, весь освѣщенный луннымъ свѣтомъ, глядя вслѣдъ незнакомкѣ, такъ оригинально врученной имъ изъ бѣды.

«Хорошенькая дѣвушка!» – думалъ онъ, возвращаясь на свою дачу среди благоуханія сирени, блеска росы и дружнаго сіянья неба, моря и земли.

Ему долго не спалось въ эту бѣлую, чудную ночь.

А ей?.. Ей тоже не скоро удалось заснуть. Пока пары уносили ее вдоль цвѣтущихъ аллей по блестящимъ росой полямъ, чувства и мысли въ ней чередовались съ такой быстротою, били такимъ живымъ ключемъ, что она и не опомнилась, какъ пріѣхала въ городъ.

Миссъ Джервисъ уже съ часъ какъ ожидала ее въ Лондонской гостиницѣ, въ недоумѣніи и безпокойствѣ.

– Сестра еще не пріѣхала? – было первымъ ея словомъ.

– Нѣтъ, но вотъ телеграмма. Они выѣхали изъ деревни и завтра будетъ здѣсь... Но... что это?.. Какъ ужасно испорчено ваше платье!.. Вы гуляли подъ дождемъ?!

Англичанка смотрѣла въ ужасъ, не вѣря своимъ глазамъ, на измятый, перепачканный глиной и грязью, туалетъ княжны Ладомирской.

Она разсмѣялась.

– О! Не обращайтесь вниманія. Я отлично прогулялась и теперь засну на славу!

И она прошла въ свой номеръ, приказавъ подать себѣ чашку чаю и больше себя не безпокоить.

– Ничего не рассказывай никому! – приказала она Машѣ.

Глаза ея, прекрасные темно-каріе глаза, не нуждались въ этотъ вечеръ въ оживленіи и блескѣ; а румянецъ, разлитый по обычно-блѣдному лицу, оживилъ его до красоты.

Но она не тотчасъ легла, какъ сказала. Ужъ мѣсяцъ склонялся къ западу, алое зарево появилось на востокъ и стаи бѣлыхъ чаекъ проснулись и летали надъ гладью морскою, ища въ ней утренней добычи, – а Вѣра все еще сидѣла у открытаго окна. Она смотрѣла на море, на поблѣднѣвшіе огни судовъ, на красную точку маяка, отражавшуюся восклицательнымъ знакомъ въ тихомъ, какъ зеркало, морѣ, и думала, припоминала и мечтала, то вздыхая, то улыбаясь своимъ воспоминаньямъ и мечтамъ.

Занималось розовое утро, когда она закрыла наконецъ окно, опустила занавѣси и легла. Но и тутъ не сразу заснула: ей мѣшаль щебетъ ласточекъ подъ окномъ, казалось ей; но главной помѣхой все же не былъ ли щебетъ ея собственныхъ мыслей, заключившійся ужъ въ полуснѣ, образомъ темноволосаго, стройнаго молодаго человѣка со шляпой, поднятой въ рукѣ, надъ головою, съ привѣтной улыбкой на красивомъ лицѣ, освѣщенномъ луннымъ сіяньемъ...

«Юріардани! какъ жаль!» – вздохнула Вѣра. И воспоминаніе окончательно превратилось въ сонъ.

IV

Прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Пронеслось лѣто и подходила осень. Но на благословенномъ югѣ все еще стояли ясные лѣтніе дни.

Въ окрестностяхъ Одессы все уже не цвѣло вольнымъ, пышнымъ цвѣтомъ, какъ весною: придорожная зелень сильно поблекла отъ безжалостной пыли, но клумбы и гряды все еще благоухали и красовались на дачахъ и городѣ еще былъ на половину пустъ.

За то отели были переполнены. Пользовавшіеся морскимъ и лиманнымъ купаньемъ еще не разѣхались, а виноградное леченіе привлекло множество посѣтителей въ Крымъ, да къ тому же начинался обратный полетъ русскихъ золотокрылыхъ птицъ изъ-за границы, со всевозможныхъ водъ домой, на сѣверъ.

Княжна Ладомирская тоже возвращалась изъ Карлсбада, и Тироля, и многихъ другихъ мѣстъ въ Одессу, гдѣ, на перепутьи, ее ожидали отецъ и зять ея, баронъ Крамфельдъ. Оба оттуда ѣхали въ Крымъ, гдѣ у барона была своя дача въ Ялтѣ. Они предполагали также осенью лечиться виноградомъ, живя вмѣстѣ, одной семьей, до самой зимы. Такъ Ладомирскіе и Крамфельдъ ежегодно заканчивали свои европейскія странствованія. И теперь княжна возвращалась со своей сестрой, Лидіей Аркадьевной Крамфельдъ, ея дѣтьми, ихъ гувернаткой и своей собственной компаньонкой.

Нельзя сказать, чтобъ пребываніе за границей послужило къ особой пользѣ Вѣры Аркадьевны. Не то, чтобъ она была больна, но утомилась и наскучалась вдосталь. Знала она съ дѣтства всѣ закоулки Европы, Да и условія жизни ея вообще, а пребыванія въ семьѣ сестры, въ особенности, не были особенно легки и пріятны.

Баронесса не отличалась ровностью характера. Частые недуги, матерьяльныя заботы, гораздо большія, чѣмъ она ожидала встрѣтить въ жизни, сдѣлали изъ Лидіи Аркадьевны раздражительную и довольно непріятную особу.

Ко всѣмъ общимъ мелочамъ ихъ жизни, у Вѣры еще было свое, тяжелое горе. Она почти рѣшилась выйти замужъ за камеръ-юнкера Звенигородова, солиднаго капиталиста и свѣже-испеченнаго аристократа, крайне ей антипатичнаго... Что было дѣлать? Онъ сватался въ третій разъ. Отецъ писалъ отчаянныя письма: что онъ разоренъ, что ему придется закабалиться съ дочерью въ своемъ степномъ хуторѣ; что отнынѣ имъ предстоитъ такая ужасная жизнь, что онъ готовъ застрѣлиться, если Вѣрочка не поправитъ ихъ обстоятельствъ хорошей партіей... Хорошая, даже прекрасная партія для стараго князя олицетворялась въ лицѣ расплывшагося раньше времени, блѣсватаго и болѣе чѣмъ недалекаго избранника фортуны, въ представителѣ многихъ копей, пріисковъ, заводовъ и фабрикъ, «милѣйшемъ Викторѣ Наумовичѣ»...

Вѣра жалѣла своего безалабернаго, но добраго отца. Она очень хорошо знала, что дѣла ихъ дѣйствительно плохи и что ей самой невыносимо жить, какъ живутъ «тысячи другихъ», терпѣть недостатки, лишенія. Она сокрушалась надъ своимъ тщеславіемъ, мелочностью, непрактичностью!.. Она и рада была бы имѣть болѣе характера, болѣе умѣлости, да гдѣ-жъ ихъ было взять?..

Ей, впрочемъ, казалось, что она не требуетъ отъ жизни многого, что она легко могла-бы обойтись скромными средствами... Такъ тысячь въ двадцать, тридцать годового дохода, — «le juste nécessaire» ихъ среды... Но нуждаться, нѣтъ! Ужъ лучше все, только не постыдная нужда, долги, униженія!.. Нѣтъ!.. Отецъ ея правъ: она должна предпочесть Звенигородова!..

Даже Звенигородова!

Она вполне вѣрила, что отецъ ея отчаивается за ея будущность больше, чѣмъ за свою разбитую старость... Но рѣшиться все же было трудно!..

Сидя въ купе перваго класса, напротивъ спавшей сестры, княжна всю послѣднюю ночь подъ Одессой продумала объ этомъ.

«Ужъ Богъ съ ней, съ любовью! съ мечтами о счастіи, — не всѣмъ онѣ суждены!.. Живутъ люди и безъ нихъ.

Лишь бы не чувствовать отвращенія, выходя замужъ, не презирать своего мужа... Это было бы тяжело! Невыносимо тяжело»!..

Разумѣется, былъ-бы случай выйти за человѣка порядочнаго, человѣка съ десятой долей состоянія Звенигородова, она не задумалась бы отказать ему; да только не было такого случая!.. Никто не сватался за нее такой, да и ей самой никто не нравился... Да! Она таки просто какая-то безчувственная. Какъ же! Дожила чуть не до двадцати-трехъ лѣтъ и никогда не бывала влюблена. Вѣдь это удивительно! И даже никто ей не нравился... Вдругъ она вспомнила одно лицо и подумала, съ улыбкой: «Да, разъ, тогда... Только разъ въ жизни я нѣсколько дней продумала объ этомъ... встрѣчномъ! У него хорошее, симпатичное лицо!..» Вѣра вздохнула и теперь при воспоминаніи объ этомъ неизвѣстномъ или почти неизвѣстномъ ей человѣкѣ. Вздохнула и улыбнулась!.. Да! Она тогда довольно долго продумала о немъ. Какой вздоръ!..

Промелькнуло, прошло и ужъ, конечно, не возобновится. А странно! Мало-ль она знала людей, и никто ей не казался такъ симпатиченъ... А вѣдь черезъ нѣсколько часовъ она опять будетъ въ Одессѣ... Что если они встрѣтятся?.. Ну, что за вздоръ въ голову лѣзетъ?! Вотъ пустяки!.. Нѣтъ, не бывать ничему такому: это только въ романахъ случается... А ей видно судьба быть за тѣмъ миллионеромъ...

Раздавшійся свистокъ паровоза окончательно вернулъ ее къ дѣйствительности, къ печальной будущности, предстоявшей ей.

«Ну, такъ ужъ по крайней мѣрѣ проживу на славу, ни въ чемъ себѣ не отказывая!» – подумала она, вставая и привычнымъ движеніемъ откидывая назадъ натурально вившіеся волосы. «Это, вѣроятно, рѣшится скоро, на-дняхъ. Отецъ пишетъ, что Звенигородовъ тоже въ Одессѣ по дѣламъ... Что они неразлучны... «Викторъ Наумовичъ со мной такъ добръ, такъ внимателенъ, какъ сынъ родной... Я привязался къ нему сердечно!» фраза эта изъ послѣдняго письма ея отца промелькнула въ мысляхъ ея цѣликомъ.

«Что-жъ! Чему быть – того не миновать!» рѣшила она и встала.

Паровозъ свисталъ отчаянно, возвѣщая близость станціи. Княжнѣ было душно и хотѣлось пить. Сестра не позволяла открыть окна, боясь простуды... «Простуды, въ такую теплую ночь?» – недоумѣвала Вѣра Аркадьевна, не зная, куда дѣваться отъ духоты.

Поѣздъ шель медленнѣе, очевидно останавливаясь. Она вынула часы. А!.. Три часа! Бирзула!.. Тутъ простоять долго. Хорошо бы напиться чаю или хоть воды.

Она вышла изъ купе, не разбудивъ сестры, и прошла къ выходу между спавшими гвернантками и дѣтьми. Въ этомъ отдѣленіи вагона никого кромѣ ихъ семьи не было.

Поѣздъ остановился.

Передъ ней была ярко освѣщенная платформа станціи. Въ открытыя двери и въ окна видны были накрытые столы, возлѣ которыхъ, впрочемъ, было немного народу, по ночному времени. За то по всей платформѣ бѣгало и суеилось множество людей. Здѣсь была пересадка; къ заграничному поѣзду присоединялись другіе, изъ Кіева, Елизаветграда.

Княжнѣ Ладомирской не хотѣлось ночью вмѣшиваться въ эту толпу, а между тѣмъ ее томила жажда. Она стояла на ступенькѣ вагона и глазами искала кондуктора или какого-нибудь служителя. Но всѣ были страшно заняты.

Вдругъ мимо нея быстро прошелъ господинъ съ небольшимъ изящнымъ сакомъ въ рукахъ. Свѣтъ фонаря упалъ на лицо его...

Вѣру Аркадьевну что-то кольнуло въ сердце, она вспыхнула и отшатнулась въ тѣнь.

Господинъ, не замѣчая ея, влѣзалъ въ вагонъ.

– Pardon! – сказалъ онъ, наткнувшись на нее за дверью.

– Извините!..

Дѣлать было нечего: пришлось выступить изъ-за дверей, на свѣтъ.

И вдругъ этотъ господинъ, этотъ незнакомый знакомецъ, о которомъ она только что вспомнила, какъ о личности навѣки для нея потерянной, этотъ симпатичный ей человѣкъ, промелькнувшій разъ, въ мимолетной, думала она, встрѣчѣ и вдругъ снова выросшій теперь предъ ней, какъ изъ-подъ земли, сдѣлалъ самую изумительную для нея вещь.

Онъ отступилъ, самъ радостно изумленный, и назвалъ ее по имени.

Не тѣмъ измышленнымъ ею, ненавистнымъ ей именемъ, которое подвернулось ей тогда обманно на языкъ, а ея настоящимъ, полнымъ именемъ.

— Княжна Ладомирская! — сказалъ онъ. — Извините, Бога ради!.. Кажется, я толкнулъ васъ?

Она такъ удивилась и такъ поддалась силѣ инаго еще, какого-то ей невѣдомаго чувства, что ничего не могла сказать. Она только улыбалась и чувствовала, что блѣднѣетъ.

— Никакъ не могу пріютиться въ этомъ негостепріимномъ поѣздѣ! — продолжалъ онъ, Все такъ переполнено!.. Нѣтъ-ли мѣстечка въ вашемъ вагонѣ?

Княжна сдѣлала надъ собой усиліе, чувствуя всю неловкость своего молчанія, и отвѣчала съ трудомъ:

— Здѣсь, въ первомъ отдѣленіи, семья моей сестры... Но дальше, кажется, есть мѣста.

Голосъ ея звучалъ такъ натянуто, что Арданинъ взглянулъ на нее внимательнѣе.

— Вы нездоровы? — воскликнулъ онъ.

— Я?.. Нисколько...

— Извините. Но вы мнѣ показались такъ блѣдны...

— О, нѣтъ! Это... освѣщеніе.

— Боже мой!.. Но... вѣдь вы едва говорите!

— Мнѣ страшно хочется пить! — только и смогла она выговорить, стараясь улыбнуться.

Но губы ее не слушались, а сердце такъ стучало, что ей казалось, что онъ и всѣ должны слышать его бѣшенъ...

Не говоря ни слова, Арданинъ поставилъ свой чемоданъ на балкончикъ и исчезъ.

Черезъ минуту онъ вернулся съ лакеемъ, который несъ воду на подносѣ и подаль ей. Она выпила стаканъ, не отрываясь.

— Еще? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, благодарю васъ! Онъ отдалъ стаканъ и графинъ человѣку. Княжна, наконецъ, оправилась и произнесла, глядя на него съ улыбкой:

— Второй разъ вы выручаете меня. Я умираю отъ жажды!

— Да?.. — весело вскричалъ онъ. — Вотъ видите какія разнообразныя услуги Богъ помогаетъ мнѣ вамъ оказывать. Тогда я спасъ васъ отъ воды, а теперь — спасъ водою!

— Это правда. Но... какъ вы... Впрочемъ, я васъ задерживаю.

— О! Нѣтъ. Вѣдь поѣздъ здѣсь стоитъ чуть не часъ... Я еще рассчитываю здѣсь выпить стаканъ чаю... Что вамъ угодно спросить?

— Нѣтъ, все равно... Услуга за услугу: идите пить чай, а я сберегу вашъ багажъ.

— Помилуйте!.. Я сейчасъ его устрою и... знаете, что, княжна? Не пройдетесь-ли и вы въ залу?.. Чай несравненно лучше воды утоляютъ жажду. Я не буду тревожить здѣсь баронессы, а въ минуту буду къ вашимъ услугамъ.

И, схвативъ свой сакъ, Арданинъ прошелъ поспѣшно въ вагонъ съ другой его стороны и тотчасъ же вернулся.

Вѣра Аркадьевна не успѣла одуматься, не успѣла сообразить, откуда онъ знаетъ, что сестра ея баронесса и какъ странно приходилось ей изъ-за этого человѣка дѣлать вещи самыя неподходящія подъ рубрику, именуемыхъ въ каталогѣ ихъ общежитія, «приличными», какъ они уже сидѣли у стола и пили чай, дружески бесѣдуя.

Именно дружески. Она сама не понимала, какъ могло такъ стать, но она чувствовала себя, съ этимъ ей совершенно постороннимъ, вѣроятно совсѣмъ не ихъ общества, человѣкомъ, будто съ близкимъ ей, давнимъ другомъ.

Порою, правда, ею овладѣвала маленькая неловкость, но его утонченная вѣжливость и вмѣстѣ совершенная простота его обращенія, тотчасъ-же разсѣивала ея опасенія.

«Нѣтъ! Онъ положительно человѣкъ хорошо воспитанный!» — мелькала у нея, по временамъ, успокоительная мысль.

Ей ужасно хотѣлось спросить, откуда онъ узналъ, кто она такая. Но она все забывала: матерьялу для разговора было такъ много!..

Долго-ли прожилъ онъ на Среднемъ Фонтанѣ? Часто-ли видался съ хозяйкой пещеры? Что подѣлываетъ, здорова-ли она?.. А княжна, гдѣ побывала въ это время? Весело-ли провела время за границей?.. А сколько общихъ воспоминаній о грозѣ, о страшномъ переходѣ, о чудной той, майской ночи!.. О, Боже мой! И половины ихъ помянуть не успѣли, какъ раздался первый звонокъ.

— Не спѣшите, Вѣра Аркадьевна. Успѣемъ!..

— Нѣтъ, ужъ пора. Сестра можетъ проснуться и испугаться, что меня нѣтъ.

— А что, какъ теперь здоровье Лидіи Аркадьевны?.. А баронъ уже въ Ялтѣ или ждетъ васъ въ Одессѣ?.. Мнѣ бы надо съ нимъ повидаться...

На сей разъ такое глубокое изумленіе изобразилось на лицѣ ея, что онъ самъ сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Вы удивляетесь, что я знаю всѣ эти обстоятельства — добродушно усмѣхнулся онъ. — Да вѣдь я сосѣдь барона Александра Карловича, по имѣнью... Я даже крестный отецъ Аркаши, вашего меньшаго племянника.

— Какъ?!

«Онъ?.. Юріардани... крестный отецъ Аркаши Крамфельда?!»

Княжна онѣмѣла отъ изумленія.

— Но... вѣдь вы... они... Я никогда не слыхала вашей фамиліи...

Она подразумѣвала «отъ нихъ, отъ сестры»; но онъ не далъ ей договоригъ и назвалъ себя:

— Арданинъ. Вы забыли?.. Я же назвалъ себя вамъ, въ тотъ памятный вечеръ, въ пещерѣ... Юрій Алексѣевичъ Арданинъ.

Она ни слова не отвѣчала, только горячій румянецъ разлился по ея лицу. Раздался второй звонокъ...

— Ну, теперь пойдете, пора. Не странно-ли?

Вотъ опять я долженъ васъ усаживать въ вагонъ!

Онъ довелъ ее, помогъ взойти на ступени и, пожавъ безсознательно протянутую ему руку, сказалъ:

— До свиданія, княжна. Я надѣюсь васъ встрѣтить въ Одессѣ.

И Арданинъ пошелъ было къ другому концу вагона, но вдругъ, словно что-то вспомнилъ и, тихо разсмѣявшись, прибавилъ:

— А вѣдь я вашъ должникъ, Вѣра Аркадьевна. Впрочемъ не вашъ, — а той m-Пе Звенигородовой, которая въ суматохѣ испуга обронила въ старушкиной пещерѣ десять рублей, носовой платокъ и книжечку слоновой кости, съ не принадлежавшими ей визитными карточками...

Онъ глядѣлъ въ ея снова зардѣвшееся лицо смѣющимися глазами.

— Неужели?.. А я думала, что раньше ее потеряла, гуляя. И такъ жалѣла!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Очень радъ, что могу ее вамъ вернуть въ цѣлости. Книжечку и платокъ. Деньги я, на свой страхъ, разрѣшилъ старухѣ взять себѣ...

— Боже мой! Да я для нея-же ихъ положила!

— Я такъ и думалъ. А платокъ и карточки княжны Вѣры Аркадьевны Ладомирской я осмѣлился сохранить у себя, съ тѣмъ, чтобы вернуть ихъ по принадлежности, еслибы привелъ Богъ встрѣтиться съ m-Пе Звенигородовой.

— Ахъ! Не называйте меня такъ, Бога ради!.. Да!.. Такъ вотъ откуда вы узнали мое имя!

— А вы удивлялись моему всезнайству?.. Онъ снова, смѣясь, пожалъ ей руку, прыгнулъ со ступеньки и едва успѣлъ войти въ вагонъ, какъ поѣздъ двинулся.

Вѣра тоже вошла въ свое душное купе и сѣла противъ невозмутимо покоившейся сестры.

Улыбка, въ которой было недоумѣніе, но еще больше радости, не сходила съ ея оживленнаго лица и теперь она уже не замѣчала ни духоты, ни скуки этой второй ночи, проведенной безъ сна изъ-за второй же встрѣчи съ Арданинымъ.

Какъ и въ ту ночь, неугомонныя чувства и мысли, не дали ей сомкнуть глазъ до солнечнаго восхода; но, когда она, подъ городомъ, проснулась – ей показалось, что она прекрасно отдохнула и, что надъ Одессой царить все та-же свѣтлая, чудесная весна, которую она въ ней видѣла четыре мѣсяца тому назадъ. Розовое расположеніе ея духа еще усилилось тѣмъ, что, на послѣдней остановкѣ, подъ городомъ, сестра ея, при встрѣчѣ съ Арданинымъ, поздоровалась съ нимъ и разговаривала, какъ со старымъ знакомымъ, а дѣти, особенно четырехлѣтній Аркаша, ему обрадовались. Оно нимало не разстроилось и тѣмъ, что, оставшись съ ней наединѣ, баронесса состроила полунедовольное, полунасмѣшливое лицо и, небрежно заявила, что, хотя мужъ ея очень хорошъ съ Арданинымъ и восхваляетъ его образцовое хозяйство, но что ей, лично, онъ не симпатиченъ: «вульгаренъ и немножко изъ этихъ новыхъ...».

– Такъ чтожь?.. Это хорошо отчасти, – возразила ей Вѣра, съ такой улыбкой, какой баронесса давно не видала на лицѣ ея.

– О, да!.. Это, по-вашему. Ты вѣдь такая!.. – кисло срѣзала она ее.

Въ Одессѣ, на вокзалѣ, пока люди и гувернантки разбирались въ вещахъ, дѣти здоровались съ отцомъ, явившимся на встрѣчу семьѣ, жена барона уже съ нимъ ссорилась за что-то, княжна стояла въ сторонѣ, взявъ подъ свое покровительство Аркашу и меньшихъ дѣтей, и успѣла переброситься двумя словами съ Арданинымъ, подошедшимъ проститься.

– Когда же вы передадите мнѣ книжечку? – спросила она.

– Вѣроятно сегодня-же. Я долженъ буду побывать у барона... переговорить о нашихъ хозяйскихъ дѣлахъ.

– Въ самомъ дѣлѣ?.. Тѣмъ лучше!

– Вѣдь вы пробудете нѣсколько дней здѣсь?

– Не знаю право. Это зависитъ отъ папа и отъ Александра Карловича. Но я бы хотѣла... Одесса мнѣ очень нравится!

– Въ самомъ дѣлѣ?.. Тѣмъ лучше! – не безъ намѣренія повторилъ онъ ея слова. – Такъ до свиданія!

Князь Ладомирскій, бодрый, высокій старикъ, чистокровный аристократъ, воспитанный на англійскій ладъ, съ примѣсю французскаго, всталъ съ кресла, когда ему доложили о прїѣздѣ семьи.

Онъ не спѣша, dokonчилъ свой туалетъ и вышелъ въ ихъ общую столовую вполнѣ джентльменомъ.

Князь былъ очень нѣжный отецъ, въ особенности, когда желалъ добиться чего отъ своихъ дочерей. Онъ расцѣловалъ внуковъ; пособолѣзнявалъ вѣчной мигрени баронессы, посовѣтовалъ и ей тоже обратиться къ виноградному леченію; размашисто пожалъ руку миссъ Джервисъ и, мимоходомъ, ущипнулъ за щеку молоденькую швейцарку, освѣдомившись, гдѣ покупаетъ она такія яркія румяна?.. И тогда только, оглянувшись, спросилъ:

— А гдѣ же Вѣрочка?

— Miss Vera только что здѣсь была. Она, вѣроятно, въ своей комнатѣ... Я сейчасъ позову ее! — отвѣчала компаньонка.

— Не трудитесь, миссъ Джервисъ: вотъ она! — сказалъ князь и привѣтливо протянулъ обѣ руки на встрѣчу входившей дочери.

Княжна не замѣтила никакой афектаціи въ движеніи отца. Она обняла его горячо. Ея радужное расположеніе духа все еще продолжалось; о Звенигородовѣ она забыла и думать. Тѣмъ непріятнѣй ее поразили слова ея отца, когда всѣ они сѣли къ чайному столу.

— Надѣюсь, мои милыя, что вы не слишкомъ устали?.. Дѣло въ томъ, что я обѣщала Виктору Наумичу, за себя и за васъ, пообѣдать съ нимъ сегодня, въ Сѣверной гостиницѣ. Тамъ прехорошенькій садикъ... Надѣюсь, что вы не откажете?.. И, склонившись конфиденціально къ меньшей дочери, онъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Онъ въ восторгѣ отъ надежды, которую, послѣ твоего послѣдняго письма, я счелъ себя въ правѣ ему подать. Il veut feter le retour de ses belles esperances, le cher homme!

Вѣра смотрѣла сначала такъ, какъ будто ничего не понимала. Потомъ она вспыхнула и отняла руку изъ рукъ князя, ласково завладѣвшаго ею.

— Надѣюсь, дитя мое, что ты долѣе не будешь медлить?.. Ты позволишь покончить это дѣло, для нашего общаго счастья?..

— Пара!.. Pardon... Здѣсь, право, не мѣсто и не время.

— Время — это вообще чѣмъ нибудь кончить! — недовольнымъ тономъ произнесла баронесса.

— И я нахожу, что всего лучше по-военному! — прибавилъ баронъ, крутя роскошные усы. Разъ! Два! Три! — и дѣло въ шляпѣ!

Крамфельдъ еще не такъ давно командовалъ полкомъ и очень любилъ рисоваться военной выправкой.

Обѣ гувернантки дѣлали видъ, что у нихъ уши золотомъ завѣшаны. Англичанка занималась чайнымъ хозяйствомъ; швейцарка была предана заботамъ о своихъ питомцахъ.

— Eh bien! Laissons! — съ готовностью согласился князь. Мы можемъ повременить.

И онъ заговорилъ о чужихъ краяхъ, о Южномъ берегу, съ большимъ оживленіемъ.

Едва окончился завтракъ, лакей внесъ два прелестныхъ, очень дорогихъ букета, для баронессы и княжны, съ карточкой, на которой красовалось имя Виктора Наумовича Звенигородова, его огромный гербъ, его придворное званіе, а на оборотѣ некрасивымъ почеркомъ начертано: «Добро пожаловать»!

— Mais c'est charmant! N'est ce has?.. Какое милое вниманіе! — умилился князь, переводя вопросительно— сочувственный взглядъ съ одной дочери на другую.

— Поблагодарите г. Звенигородова! — процѣдила баронесса, не вставая съ кушетки, и повернулась къ мужу. Alexandre!.. Donnez un poignoir au porteur. Et... point de mesguinerie, je vous prie!..

– Г-мъ! Кх-мъ!.. крикнулъ мужъ и направился къ дверямъ, безъ дальнѣйшихъ комментарій.

– Посмотри, какія чудныя розы, Вѣрочка! – настаивалъ князь, протягивая къ ней одинъ изъ букетовъ.

Миссъ Джервисъ съ готовностью встала и передала его молодой дѣвушкѣ, восклицая:

– Oh! What lovely flowers!.. Beautiful, indeed!..

– Если они вамъ кажутся такъ прекрасны – можете взять ихъ себѣ – холодно сказала княжна, не прикасаясь къ букету. Я терпѣть не могу запаха розъ... Такой вульгарный цвѣтокъ!

Она встала и ушла въ свою комнату, не обративъ вниманія ни на отчаянно вопросительный взглядъ, который отецъ ея метнулъ на баронессу, ни на пожатія плечъ, которыми та ему отвѣчала.

Она вошла въ свой отдѣльный номеръ, бросилась тамъ въ кресло и, отчаянно сжавъ голову обѣими руками, горько заплакала, мысленно воскликнувъ:

«О! лучше умереть, чѣмъ выйти за этого человѣка!..»

Но ей не дали долго горевать на свободѣ. Три удара въ двери, и въ нихъ появилась англичанка. Она пришла сказать, что князь желаетъ ее видѣть и вмѣстѣ освѣдомиться: можетъ-ли она отправиться навѣстить свою одесскую пріятельницу?.. Княжна разрѣшила ей идти, куда угодно и не стѣсняясь пользоваться временемъ; отцу же просила передать, что у нея очень болитъ голова, что она желала бы, если возможно, теперь немного отдохнуть, а придетъ часа черезъ два. Ей было ясно, что отецъ ея хочетъ, во что бы то ни стало, не откладывая, тутъ же, на перепутьи, сейчасъ все покончить, вынудивъ ея согласіе. Бѣдняжка старалась оттянуть рѣшительную минуту, сама, не зная, чего выжидая. Она прекрасно понимала, что у нея не хватитъ рѣшимости, ни даже опредѣленнаго желанія, самой, окончательно отказаться отъ такой «озлащенной» партіи; а между тѣмъ боялась произнести послѣднее слово, выжидая, не спасетъ ли ее судьба, помимо собственныхъ заслугъ ея?.. Звенигородовъ теперь казался ей противнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Однако она этого не выразила прямо въ объясненіи, которое въ тотъ же день имѣла со своимъ отцомъ. Она сказала ему только, что желаетъ отложить рѣшительный отвѣтъ до зимы, до возвращенія въ Петербургъ. Но тутъ князь возсталъ всей силой своего авторитета! Звенигородовъ ждать долѣе не хочетъ и не станетъ! Она и то водила его больше году... Или теперь, или никогда! Онъ ждетъ и требуетъ рѣшительнаго отвѣта.

Пусть Вѣра выбираетъ: или миллионное состояніе и спокойствіе его старости; или – нищета и его смерть и позоръ!

Да, позоръ!.. Потому что онъ кругомъ въ долгахъ и долженъ ей признаться, что могъ бы поправиться лишь въ случаѣ, еслибъ она вышла замужъ за человѣка, который не нуждался бы и не требовалъ приданаго.

Тогда бѣдная дѣвушка вымолила себѣ отсрочку, хоть нѣсколько дней.

– Оставьте меня въ покоѣ здѣсь, въ Одессѣ. Ну какія сватовства на перепутьи?.. Вотъ уѣдемъ на всю осень въ Крымъ; тамъ я общаю вамъ болѣе не медлить.

– Но пока будь съ нимъ, по крайней мѣрѣ, привѣтлива, mon ange!.. Ну, хоть на столько любезна, чтобъ оне не принялъ твоего новаго каприза за отказъ. Надѣюсь, что ты будешь сегодня съ нимъ ласкова за обѣдомъ?.. Бѣдняга надѣялся, что этотъ обѣдъ для него будетъ обручальнымъ пиромъ!

– Какъ?.. Въ гостиницѣ?.. – блеснула княжнѣ спасительная уловка. – Y pensez vous, mon pere?.. Какъ на гостинодворскихъ сватовствахъ!.. Развѣ г. Звенигородовъ принимаетъ насъ за своихъ родичей изъ перинной линіи?.. – не воздержалась она отъ горькой усмѣшки.

– Ah! Mon enfant, ma chere enfant! – вскричалъ эффектно Ладомирскій. – Когда человѣкъ можетъ вымостить золотыми всю свою житейскую дорогу, благоразуміе, въ нашъ практическій вѣкъ, повелѣваетъ забыть все это!

– Я согласна. Но пусть не забываетъ и нашего.

Въ его разсчетахъ входить стараться себя возвысить до насъ, а не ронять, вводя какія-то обрученія съ шампанскимъ въ трактирныхъ залахъ.

— Tu as raison, mon ange! — согласился со вздохомъ князь: дочь не даромъ въ немъ затронула аристократическую жилку. — Да!.. Я убѣжденъ, что онъ самъ пойметъ это... Au fait, — вѣдь ждать не долго! Дня черезъ два-три мы будемъ въ Ялтѣ, на своей дачѣ и тогда... Я такъ и скажу ему. Онъ, навѣрное, самъ сейчасъ явится къ намъ, съ приглашеніемъ... C'est son dada, ce dîner d'aujourd'hui, parole d'honneur!.. Вотъ ужъ три дня я только отъ него и слышу, какой обѣдъ онъ намъ готовить. Be cher garçon!.. Онъ такъ влюбленъ въ тебя, дитя мое!.. О!.. Ты изъ него будешь веревки вить, увѣряю тебя... Ты будешь съ нимъ любезна, не правда— ли?

— Ну еще бы! Разумѣется.

О, какъ охотно Вѣра отказалась бы отъ этого обѣда! Но это было невозможно. Помимо того, что это значило поссориться съ отцомъ, — на это было единственное средство — сказаться больной. А въ разсчетахъ ея совѣмъ не входило просидѣть эти дни взаперти.

Вся семья кончала второй завтракъ, когда лакей возвѣстилъ:

— Г. Звенигородовъ и г. Арданинъ. Сердце Вѣры упало. Она вспыхнула и тотчасъ же поблѣднѣла. Вмѣстѣ?!

Она этого никакъ не ожидала.

— Г. Арданинъ? — вопросительно оглядѣлъ всѣхъ князь Аркадій Валерьяновичъ. — Qu'est-ce que c'est?..

— Ахъ! Это сосѣдъ мой по имѣнью. Прекрасный, очень богатый и дѣльный человѣкъ, — сообщилъ баронъ. — Просите!

— Арданинъ ѣхалъ съ нами послѣднія станціи. Онъ, кажется, изъ деревни, — прибавила его жена.

— Ну да!.. Онъ долженъ мнѣ сообщить кое-что. Баронъ Крамфельдъ всталъ, направляясь къ гостямъ на встрѣчу, и всѣ перешли, вслѣдъ за нимъ, изъ столовой въ гостиную.

Замедлила одна Вѣра Аркадьевна...

— А!.. Юрій Алексѣичъ! Очень радъ!..

— Здравствуйте, Викторъ Наумовичъ! — тотчасъ же раздались восклицанія.

— Князь! Позвольте мнѣ вамъ представить моего добраго сосѣда... — заговорилъ было баронъ. Но его тотчасъ же прервалъ громкій голосъ, который заставилъ княжну, въ другой комнатѣ, сѣѣжиться, будто кто-нибудь тронулъ ея болѣзненный нервъ.

— Да, да, да! Юшу Арданина, князь!.. Позвольте отрекомендовать вамъ моего пріятеля!.. Какъ же! Славный малый!.. Мы съ нимъ подружились за границей. Смотрю, сегодня, вваливается съ багажемъ въ Сѣверную... Я его сейчасъ: цапъ-царапъ!.. Откуда, говорю, куда?.. Никакихъ! Со мной сегодня пообѣдаешь и баста!.. Барона, говорить, нужно, повидать...

Ну, вотъ и распрекрасно! Захватилъ его — и предоставилъ!

— Очень радъ! — произнесъ князь Ладомирскій, пожимая руку новому знакомцу; но Вѣра не слыхала отцовскаго голоса за постороннимъ громкимъ смѣхомъ, который возбуждалъ въ ней желаніе уйти и запереться въ своей комнатѣ.

Она, однако, превозмогла себя и вышла въ гостиную. Она даже — о, плоды воспитанія миссъ Джервисъ! — она заставила себя одинаково спокойно и любезно поклониться обоимъ гостямъ, и надо было быть очень тонкимъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить разницу во взглядѣ ея и поклонѣ.

Замѣталъ-ли Арданинъ?.. Очень вѣроятно. Онъ вообще былъ наблюдателенъ и вещи понималъ тонко... Этимъ объясняется разсѣянное, почти печальное расположеніе духа, въ которое онъ впалъ въ этотъ самый день, къ вечеру, послѣ обѣда, въ саду Сѣверной гостиницы. Обѣдъ, за которымъ, по выраженію Звенигородова, «только развѣ птичьяго молока не было», сошелъ благополучно.

Улучивъ минутку, когда княжна вышла изъ-подъ навѣса подышать чистымъ воздухомъ въ цвѣтникѣ, оставивъ всѣхъ своихъ еще за ликерами, кофе и сигарами, въ застольной бесѣдѣ съ радушнымъ хозяиномъ, Юрій Алексѣичъ подошелъ къ ней и тихо сказалъ:

— Я принесъ ваши вещи... Прикажете передать княжнѣ Ладомирской карточки, потерянные Звенигородовой?

Она вздрогнула, какъ отъ холода.

— Какая вамъ охота? — печально отвѣтила она. Я вѣдь просила васъ простить мою глупую ложь и забыть ее!

— Ложь? — повторилъ онъ, не совсѣмъ весело улыбаясь. Ложь-ли?.. Быть можетъ...

— Что?

— Не знаю... смѣю-ли я?

— Ахъ, смѣйте! Мнѣ все равно — раздражительно засмѣялась она. Что же, быть можетъ, по-вашему?..

— Не, по-моему, княжна, а по-вашему...

— Что-жъ наконецъ такое?

— Быть можетъ вы тогда, принявъ эту фамилію, не солгали, а только предупредили неизбежное событіе?..

Она нервно разсмѣялась и сказала:

— Дайте мои карточки!

Арданинъ передалъ ей платокъ и книжечку. Вѣра открыла ее, взяла одну изъ своихъ карточекъ и при свѣтѣ мѣсяца и газовыхъ рожковъ сдѣлала видъ, что читаетъ свое имя.

— Вы ничего не отвѣчаете, княжна?

— Что-жъ отвѣчать мнѣ?.. — еще раздражительно засмѣялась она. Развѣ пропѣть вамъ арію князя Наташѣ въ оперѣ «Русалка»?.. Замѣнивъ два слова... «Вотъ видишь-ли, княжны, не вольны мужей себѣ по сердцу брать» ... Ахъ! Боже мой! Что это?.. И я стала забывать приличія?.. — прервала она, грустно разсмѣявшись на свой чуть слышный напѣвъ. Видите, Юрій Алексѣичъ, какъ заразительно дурное общество!.. Тамъ господинъ Звенигородовъ чуть не поетъ круговыхъ пѣсенъ за чашей зелена-вина; а тутъ я начала ему вторить... раньше времени!

Въ голосъ ея слышалось раздраженіе, чуть не слезы.

Арданинъ посмотрѣлъ на нее внимательнѣе и всѣ шутилыя рѣчи, и даже всѣ эгоистическіе помыслы его разлетѣлись. Онъ самъ не опомнился, какъ у него сорвалось съ языка:

— Успокойтесь, Господь съ вами!.. Какая вамъ крайность?..

— Какая?! — громче чѣмъ она хотѣла, вырвалось и у нея слово прямо изъ наболѣвшаго сердца. — Бываетъ!.. Не все по цвѣтамъ да муравѣ гулять...

Приходится и по терніямъ!.. Впрочемъ, что это я, въ самомъ дѣлѣ?.. Извините, пожалуйста!.. На меня напала сентиментальность... Сентиментальность или сумасшествіе? Сама не знаю!.. Блажь какая-то...

Она шла быстрыми шагами вдоль дорожки и онъ за ней машинально слѣдовалъ.

Чувство искренняго горя защемило ему сердце и мысли вихремъ чередовались въ головѣ. Вдругъ она остановилась и, поднявъ на него свои глубокіе, темные глаза, тихо сказала, прерывая безпрестанно свою нерѣшительную рѣчь:

— Вотъ, только одно. Мнѣ все равно, что подумаютъ другіе... Но вы, Юрій Алексѣичъ... съ вами мы какъ-то и сошлись иначе и... вы не такой, какъ всѣ... какъ большинство. Словомъ, я бы хотѣла, чтобы вы знали, если... если быть тому, — что, въ тотъ день, когда это имя станетъ моимъ, мнѣ легче было-бы, еслибъ меня самое... еслибъ со мною — вотъ что сдѣлали!

И она порвала на мелкіе куски свою визитную карточку, бросила клочки себѣ подъ ноги и, растоптавъ ихъ въ песокъ, прибавила:

— Въ этотъ день, если онъ когда-нибудь настанетъ, — вотъ что случится съ княжной Вѣрой Ладомирской!

И засмѣявшись, она пошла, не оглядываясь къ столу.

– Прошлась по цвѣтнику, дитя мое? – нѣжно спросилъ ее отецъ.

– Да! Славный вечеръ.

– Ахъ, я дуракъ! – откровенно заявилъ камеръ– юнкеръ, хлопнувъ себя ладонью по лбу. Вѣдь у меня же взяты ложи!.. Куда угодно, княжна?.. Въ оперу? Въ русскій театръ?.. Въ циркъ?..

– О, Богъ мой! Никуда!.. Совершенно никуда, кромѣ своего номера въ Лондонскомъ отелѣ. Я еще не опомнилась отъ дороги.

– Ну, какъ-же такъ?.. Помилуйте!.. А я приказалъ, чтобы вездѣ... Опера, говорятъ, не дурна... Не угодно-ли хоть вамъ, баронесса.

– Ахъ, нѣтъ! Благодарю васъ. Я слишкомъ утомлена! – процѣдила баронесса и тихо прибавила, обратившись къ одному барону: Это хоть *est charmant!*..

– Господа! – не унимался Звенигородовъ. Такъ хоть мы, что-ли?.. Махнемте, ваше сіятельство! Баронъ... Пожалуйста!

– Чтожь, пожалуй... *Pour avoir une idee de la musique locale...*

– Вотъ именно: локаль! – подхватилъ добродушно миллионеръ. Проводимъ дамъ, когда имъ будетъ угодно, а сами махнемъ. Ты поѣдешь, Арданинъ?

– Нѣтъ, спасибо. У меня завтра рано дѣла, а ты вѣдь любишь полунощничать.

Звенигородовъ шумно расхохотался.

– Ну да! Да!.. Еще помнишь парижскія ночи?.. Славно жилось у французишекъ, право! Баронесса поднялась въ тревогѣ, что онъ еще, пожалуй, скажетъ...

– Пора, Александръ Карловичъ, – замѣтила она мужу. Поѣдемъ... Благодарю васъ, Викторъ Наумовичъ.

– Не за что! Помилуйте-съ!.. Позвольте вамъ нижайше кланяться за компанію...

– Ну да! – перебила его княжна, очень неестественно засмѣявшись. Мы васъ, Викторъ Наумовичъ, благодаримъ «за угощеніе», а вы насъ – «за посѣщеніе!..» Папа! Такъ кажется у Островскаго, гдѣ– то...

– Не помню, душа моя... Я вѣдь Островскаго не люблю, – сухо отозвался князь...

– А-а нѣтъ! Я несогласенъ съ вами, Аркадій Валерьяновичъ, – находчиво вмѣшался баронъ, любившій руссофильствовать. У него этотъ бытъ, купеческій, очень вѣрно схваченъ.

Всѣ шли, медленно подвигаясь къ выходу.

– Да! Вотъ что, *Mesdames!* – громко возгласилъ Звенигородовъ. Завтра здѣсь, на Маломъ фонтанѣ, большое торжество: праздникъ съ разными увеселеніями, съ фейерверкомъ, электричествомъ, съ разными увеселительными комедіями... Вы видали афиши?

– Нѣтъ, не видали, – томно отвѣчала Лидія Аркадьевна.

– Какъ-же-съ! На всѣхъ стѣнкахъ, на всѣхъ столбахъ расклеены... Ежели угодно будетъ вамъ? Дѣткамъ вашимъ, баронесса?.. У меня взято три коляски къ вашимъ услугамъ.

– Очень благодарны, но зачѣмъ вы это дѣлаете, Викторъ Наумовичъ?.. Я своихъ дѣтей никогда не пускаю на такія гулянья.

– Отчего-же-съ?.. А не то можно на пароходѣ. Туда съ утра пароходы будутъ ходить, съ музыкой, съ пѣсенниками!..

– А качели тамъ будутъ? – коварно освѣдомилась княжна. Такія качели, какъ на площади, въ Петербургѣ, на масляницѣ?

– Не знаю-съ, Вѣра Аркадьевна!.. Думаю, что всякое тамъ будетъ настроено, потому народный праздникъ, въ пользу благотворительныхъ школъ.

– Ну, такъ и качели будутъ навѣрное! – улыбаясь сказалъ Арданинъ. Школьникамъ какое-же веселье безъ качелей?

– Вы покачаетесь, м-сье Арданинъ?

– Нѣтъ, княжна. У меня легко голова кружится. Князь Ладомирскій давно ужъ неловко пожимался.

Онъ, какъ ни былъ слѣпъ къ недостаткамъ своего желаннаго зятя, не могъ не замѣчать, что онъ, въ этотъ вечеръ, тривиальнѣе чѣмъ когда-либо, и что Вѣра не можетъ надъ нимъ не смѣяться.

– L'idée de parler ainsi! – тихо произнесъ онъ, обратившись къ дочери и пожимая плечами.

– Такъ извольте приказывать, княжна! – обратился къ ней Звенигородовъ. Какъ и когда угодно вамъ будетъ ѣхать?.. Посмотрѣть право стоитъ...

– Очень вѣроятно. Но мнѣ совсѣмъ не угодно туда ѣхать, Викторъ Наумовичъ... Я, впрочемъ, не знаю, почему вы желаете сообразоваться именно съ моими желаніями?..

– Это очень любезно! – поспѣшно перебилъ князь. Въ самомъ дѣлѣ, въ такіе чудные вечера жаль сидѣть дома!

– Однако я согласна съ сестрой, – замѣтила баронесса: въ такую толпу, какая, вѣроятно, будетъ тамъ завтра, ѣхать невозможно.

– Почему-же-съ?.. Тамъ, однако, распорядительницами все дамы высшаго круга... Сама генераль-губернаторша!

«– Я понимаю хорошо, что обязанность этихъ дамъ присутствовать на благотворительномъ праздникѣ», – сказала баронесса своимъ французско-русскимъ нарѣчіемъ; но мы не здѣшнія, у насъ нѣтъ никакой обязанности... Nous pouvons nous en dispenser.

– Завтра никого не будетъ на бульварѣ, – вполголоса замѣтилъ Арданинъ; а бульваръ чудо какъ хорошъ въ такія лунныя ночи.

Вѣра только подняла на него глаза, въ отвѣтъ на это замѣчаніе... Какъ много сказалъ этотъ взглядъ и какъ долго видѣлъ его передъ собою въ ту ночь Арданинъ, большими шагами перекрещивая свой номеръ въ Сѣверной гостиницѣ.

VI

Несмотря на праздник-монстръ, привлечшій на слѣдующій день множество народа на Малый Фонтанъ, на Одесскомъ бульварѣ тоже было не мало гуляющихъ.

Луна лила потоки свѣта; внизу пристань была разукрашена цвѣтными фонарями, а небольшіе пароходы, въ праздничныхъ уборахъ, то и дѣло бороздили зеркальную поверхность моря, гремя кадрили и вальсы, перевозя публику на гулянье и обратно, соблазняя и привлекая ее своимъ наряднымъ видомъ и музыкой.

На это зрѣлище сверху бульвара и громадной каменной лѣстницы, что спускается на пристань, любовались многіе зрители, не пожелавшіе ѣхать на самое мѣсто гульбища, куда съ утра стремилось, сушей и моремъ, все населеніе города.

Къ числу ихъ принадлежало и избранное общество проѣзжихъ, остановившихся на перепутьи въ Одессѣ. Князь Ладомирскій, со своей семьей, проводилъ этотъ прекрасный вечеръ подъ навѣсомъ платформы Замбрини, любясь серебряной ночью и развлекаясь болѣе или менѣе пріятными разговорами, мороженымъ и чаемъ.

Въ этотъ день утромъ у князя, а потомъ и у баронессы Крамфельдъ, было долгое объясненіе съ Вѣрой. Оба, отецъ и старшая сестра, не могли не согласиться съ нею въ томъ, что Звенигородову несравненно было бы приличнѣй, по уровню его образованія и по манерамъ, быть сидѣльцемъ въ одномъ изъ магазиновъ, которые снабжались мануфактурными произведеніями его фабрикъ, чѣмъ носить званіе камеръ-юнкера; но оба также находили, что его можно отшлифовать, а что милліоны его заслуживали гораздо большаго вниманья, чѣмъ его недостатки.

Баронесса безусловно осуждала вчерашнее обращеніе сестры съ безобиднымъ женихомъ, ей предназначаемымъ. Аркадій Валерьяновичъ изумлялся «силѣ любви этого добрѣйшаго малаго» къ его дочери... Онъ находилъ, что одна безмѣрная нѣжность чувствъ дѣлала его глухимъ и слѣпымъ къ ея недобротѣ и насмѣшкамъ.

— А я нахожу, что онъ глухъ и слѣпъ отъ природы, потому что глупъ непроходимо! — рѣзко возразила имъ княжна. Что касается любви его, папа, то я ей положительно не вѣрю.

— Ты удивляешь меня, *chère amie*?.. Человѣкъ третій разъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе, слѣдуетъ за тобой, какъ тѣнь! ждетъ годы!..

— Сдѣлаетъ предложеніе и на четвертый, и на десятый, если въ это время не найдетъ лучшей партіи! — горячо возразила княжна. Ему лестно жениться на княжнѣ Ладомирской, породниться и войти чрезъ насъ въ лучшее общество, вотъ и все. Самъ по себѣ онъ навѣрное предпочелъ бы мнѣ каждую дородную купеческую дочку!..

— О, дитя мое! Можешь-ли ты такъ думать? — сокрушенно вскричалъ старый князь.

— И что за выраженія, Vera! — прибавила баронесса!

— Мнѣ не время выбирать выраженія! — горячо возразила ей сестра. Что касается до стараній вашихъ убѣдить меня въ любви господина Звенигородова, то прошу васъ оставить ихъ! Вы не увѣрите меня!.. Я знаю, что мнѣ, вѣроятно, придется принести себя въ жертву этому золотому тельцу; но пусть же онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что я его не обманывала. Ни любви, ни уваженія, я не могу къ нему чувствовать. И выказывать ничего подобнаго не стану!.. Затѣмъ, если несмотря ни на что, онъ захочетъ быть мужемъ княжны Ладомирской, не обманываясь на счетъ моихъ къ нему чувствъ, — да будетъ такъ!

— Но изъ уваженія къ самой себѣ ты должна быть къ нему снисходительнѣй — протестовалъ отецъ.

— Одно изъ двухъ, Вѣра: или откажи ему окончательно, или щади въ немъ достоинство своего будущаго мужа! — резонно доказывала сестра.

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ княжна не могла внутренне не согласиться. Зато она горячо оспаривала панегирики нравственнымъ достоинствамъ «добрѣйшаго Виктора Наумовича», которые князь ему расточалъ. Она даже прямо выражала убѣжденіе въ противномъ. По ея мнѣнію, никакой ровно доброты, благородныхъ стремленій, а тѣмъ менѣе великодушныхъ чувствъ за нимъ не водилось.

Она была увѣрена, что время докажетъ отцу его заблужденіе...

— Но не въ томъ вопросъ! — закончила она. Дѣло въ томъ, что я сознаю не менѣе васъ печальную необходимость самой выйти изъ тяжелаго, чуть не отчаяннаго положенія и васъ вывести изъ бѣды... Повторяю: я не отказываюсь выйти за Звенигородова, со временемъ... если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго... Но я желала бы, я прошу, чтобъ здѣсь, пока я не окончательно связана съ нимъ словомъ, меня оставили въ покоѣ, не вынуждая обращаться съ нимъ, какъ съ объявленнымъ женихомъ. Этого пока нѣтъ, и я хочу пользоваться эти послѣдніе дни свободой.

Ультиматумъ былъ принятъ. На него по неволѣ приходилось сдаться изъ боязни худшаго.

Цѣлый день Вѣра Аркадьевна была печальна; очень сдержана и молчалива съ Звенигородовымъ, но не относилась ужъ къ нему такъ, какъ наканунѣ.

Онъ опять прислалъ ей букетъ; привезъ цѣлый транспортъ конфетъ дѣтямъ барона, казалось ничего не замѣчалъ и былъ вполне доволенъ въ ожиданіи еще большихъ будущихъ благъ. Онъ ожидалъ большаго и на сей день! Онъ было даже привезъ въ карманахъ футляры съ гораздо болѣе цѣнными подарками той, которую считалъ уже своей невѣстой; но въ пору проговорился ея отцу и тотъ остановилъ его.

Это маленькое разочарованіе, однако, не испортило его расположенія духа.

«Финтитъ дѣвчонка!» — подумалъ онъ, съ своимъ характернымъ способомъ выраженія. «Хочетъ, чтобъ думали, что ей все равно, выйти за меня аль нѣтъ! Что у нея нашего брата, жениховъ съ непустыми карманами, куры не клюютъ!.. Шалишь, голубушка!.. Знаю я, преотлично знаю, что ты въ меня не влюблена, — да и не нуждаюсь!.. По этой части — другихъ найдемъ. А отказать ты мнѣ не откажешь. Такимъ, какъ я, женихамъ не отказываютъ!.. Ты мнѣ, ваше сіятельство, для представительности нужна; а я тебѣ — еще нужнѣй! Потому всѣ вы, князья, къ медовымъ пряникамъ по— привыкали; а у васъ, нонѣ, поди, и на ситничекъ не хватаетъ!..»

Звенигородовъ не заблуждался и шелъ къ своей цѣли разсчитанно и неуклонно, безъ тревогъ и сомнѣній.

Пообѣдавъ, всѣ отправились на бульваръ и тот— часъ-же расположились въ виду моря; но княжнѣ не сидѣлось. Она встала, говоря, что не стоило сюда приходить затѣмъ, чтобъ сейчасъ же снова сѣсть — и пошла пройтись по аллеямъ въ сопровожденіи своей компаньонки, изъявивъ желаніе никого болѣе не беспокоить...

Едва онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ вдоль приморской аллеи, какъ къ нимъ подошелъ Арданинъ, давно ждавшій этой встрѣчи. Прошло около часу прежде, чѣмъ Вѣра Аркадьевна нашла, что она достаточно нагулялась и что пора присоединиться къ остальному обществу. Въ самомъ дѣлѣ было ужъ довольно поздно, но ночь такъ была хороша, не хотѣлось уходить!

Когда они вошли на платформу, Звенигородовъ дружески привѣтствовалъ Юрія Алексѣича.

— А! И ты появился, отшельникъ! — вскричалъ онъ. Откуда это вы добыли его, княжна?.. Представьте себѣ: со вчерашняго дня заперся въ своемъ номерѣ: ходитъ, шагаетъ въ немъ вдоль и поперекъ и никуда!.. И къ себѣ никого не пускаетъ. Я было утромъ навѣдался, — звалъ его яхту попробовать, купить хочу. Такъ не впустилъ, прогналъ! Дѣлами, говоритъ, занятъ. А какое дѣлами? Я же слышу, что въ меланхоліи прогуливается.

– Напрасно вообразилъ! – отвѣчалъ Арданинъ. Меланхолія не въ моихъ привычкахъ. Я утормъ много ѣздилъ по дѣламъ, ждалъ къ себѣ повѣреннаго, а ты тутъ съ яхтой!.. Да еще въ самую жару! Я удивлялся твоей охотѣ.

– А зачѣмъ вамъ яхта понадобилась? – спросилъ баронъ. Вѣдь вы здѣсь не живете.

– А что-жъ такое?.. Пусть будетъ на всякій случай... Вотъ можетъ быть дамы захотятъ покататься, пока мы здѣсь. А можетъ опять осенью мнѣ здѣсь побывать придется. Дешево продавали, для чего не купить?.. Пущай себѣ стоитъ... Вѣдь она ѣсть не просить.

– А я боюсь этихъ катаній въ яхтахъ: онѣ валки! – сказала баронесса. Разъ въ Гельсингфорсѣ, насъ чуть было не опрокинули...

– Чуть-чуть не въ счетъ, баронесса! – игриво осклабился Звенигородовъ.

– Какъ?.. – не поняла его Лидія Аркадьевна.

– Викторъ Наумовичъ желаетъ сказать, что такъ какъ этого не случилось, то ты собственно не имѣешь причины бояться катаній на яхтѣ, услужливо объяснилъ князь.

– Однако, никто не можетъ сказать, чтобы катанья по морю были безопасны, – настаивала баронесса.

– Въ яхтахъ – можетъ быть! Но я-бы очень желала въ такую ночь проѣхаться по морю вотъ такъ!

И княжна указала на весело бѣжавшій мимо пароходъ. Весь онъ сіялъ, разукрашенный пестрыми фонарями и флагами, а звуки военной музыки далеко разлетались съ него въ ночной тиши.

– А кто-же намъ помѣшаетъ? – вскричалъ Звенигородовъ. Поѣдемте!.. Прокатиться по такому морю пріятно.

– О, нѣтъ! Такъ поздно!.. Богъ съ нимъ, съ моремъ! Я его люблю только издали! «Я пойду домой», – сказала баронесса.

– Ну, что-жъ, ты можешь вернуться. Александръ Карловичъ тебя проводитъ и возвратится... Да и всѣ мы тебя проводимъ до отеля, а сами отправимся, – оживленно заговорила Вѣра. Папа! Поѣдѣте?.. Мнѣ очень хочется!

– Я не прочь доставить тебѣ удовольствіе, дитя мое! – заявилъ Аркадій Валерьяновичъ, съ похвальнымъ желаніемъ поблажать во всемъ своей меньшей дочкѣ, лишь-бы добиться отъ нея лакомой подачи.

– Вотъ и прекрасно! У меня, кстати, четырех– мѣстная коляска. ѣдѣте на пристань, чтобъ не опоздать къ слѣдующему пароходу. Князь!.. Баронъ!.. Милости просимъ.

– Нѣтъ, ужъ насъ простите, Викторъ Наумовичъ, – отозвалась баронесса. Alexandre? Я надѣюсь, что ты не захочешь рисковать своимъ ревматизмомъ?

– А-гмъ – крикнулъ баронъ. Ночь довольно теплая, кажется...

– Теплая?.. А твоя послѣдняя простуда, въ самый разгаръ жары, не достаточно еще тебѣ доказала, что простужаются не одной зимою? – пробрюзжала жена его. Дѣлай какъ хочешь... но ночью!.. на водѣ!.. По-моему, это безуміе!

– Да, конечно, конечно!.. Ты права, мой ангелъ. Я не буду рисковать.

И баронъ дисциплинировано подаль руку баронессѣ. Остальное общество размѣстилось въ коляскѣ, – князь, Вѣра, Звенигородовъ и по приглашенію его, рядомъ съ нимъ Арданинъ.

Рѣшено было только прокататься по морю, но на Фонтанѣ не сходить, а возвратиться на томъ-же самомъ пароходѣ.

Народъ, веселыми группами, смѣясь и разговаривая, возвращался съ вновь прибывшаго парохода по Приморской улицѣ къ бульварной лѣстницѣ, когда они подъѣхали къ пристани. Было такъ поздно, что на гулянье ужъ никто не ѣхалъ, а только возвращались оттуда толпами.

Гуль музыки встрѣтилъ вновь прибывшихъ на пароходѣ «Дядю» и сопровождалъ ихъ отплытіе. Ночь дѣлалась все прекраснѣй. Полная луна брильянтовымъ столпомъ ложилась на неподвижную пелену моря; живописные берега бѣжали мимо, отражаясь въ немъ, какъ въ стеклѣ. Цвѣтные огни набережной, фонари, маяки и окна освѣщенныхъ зданій превратили зеркальную поверхность въ яркій калейдоскопъ, котораго игру еще увеличивало движеніе пароходовъ, лодокъ, паровыхъ катеровъ и яхтъ, красиво расцвѣченныхъ огнями и флагами. При встрѣчахъ пароходовъ музыка въ нихъ смолкала; они салютовали другъ друга ракетами и громкимъ «ура» – и снова гремѣли вальсы и польки, вспугивая стаи чаекъ, дремавшихъ, мѣрно покачиваясь, на водѣ.

Хороша была эта прогулка и осталась на вѣки памятной княжнѣ Вѣрѣ и Арданину; но, въ началѣ ея, она бы выиграла много, если-бъ они были одни!.. Сказать по правдѣ, двое спутниковъ ихъ мало мѣшали ихъ бесѣдѣ. Они повстрѣчались съ какимъ-то денежнымъ аферистомъ, знакомымъ Звенигородова; онъ его тотчасъ представилъ князю, какъ человѣка, готоваго принять участіе и помочь ему въ какой-то спекуляціи, въ которой будущій тестъ его замыслилъ рискнуть нѣсколькими послѣдними крохами своего родового достоянія. Всѣ трое пустились въ горячія обсужденія этого вопроса, что позволило двумъ лицамъ, не интересовавшимся дѣловымъ разговоромъ, нѣсколько отдалиться и вести бесѣду, а *parte*.

Нельзя сказать, чтобъ Викторъ Наумовичъ не замѣчалъ, что его названный пріятель что-то слишкомъ горячо и конфиденціально разговариваетъ съ его будущей нареченной; но онъ не боялся его соперничества. Онъ ограничивался полунасмѣшливыми, полудосадливыми помыслами, затаенными въ глубинѣ души.

«Распрекрасно, де дружище: напѣвай ей тамъ турусы на колесахъ, до поры до времени!.. Не тебя тамъ нужно!.. Чай барышня сама знаетъ, съ кѣмъ ей дальше уѣхать можно... Да не по простой, а по золоченой дорожкѣ!.. У нея тоже губа-то не дура, языкъ не лопатка, – знаетъ что сладко, не бойсь!.. Ну, а какъ наша-то возьметъ, – чуть что, друга-то пріятеля вѣдь и по шапкѣ можно. Знай, де, каждый свое мѣсто».

Такою рѣчью можно было-бы резюмировать его размышленія въ то время, какъ пещерные друзья, – такъ только что передъ этимъ, на бульварѣ, Арданинъ окрестилъ ихъ отношенія, – вели гораздо опаснѣйшіе для его плановъ разговоры, чѣмъ онъ предполагалъ.

– Если только это не преувеличеніе, княжна, если вчерашнее движеніе ваше съ карточкой искренно и вѣрно передаетъ ваши чувства къ этому человѣку, то рѣшимость ваша все-таки за него выйти – просто преступна!.. Мало этого! Извините меня: она безумна! Да?.. Казните меня, какъ вамъ угодно, но вы сами обратились ко мнѣ, и я обязанъ сказать вамъ правду и говорю ее. Помилуйте! Ужъ не будемъ разсуждать о томъ, честно-ли это? Достойно-ли васъ, княжна? Имѣете-ли вы, наконецъ, право жертвовать не только собою, всей своей жизнью, но и счастіемъ этого, въ сущности ни въ чемъ предъ вами неповиннаго человѣка?.. Мы оставимъ всѣ эти вопросы, – вопросы капитальной важности, но болѣе отвлеченные, – въ сторонѣ. Поставимъ прямо и просто главный вопросъ; надѣетесь-ли вы превозмочь свое отвращеніе къ нему, обвинчавшись съ нимъ?

Они стояли у самыхъ перилъ. Она, облокотясь на нихъ, смотрѣла на бѣлоснѣжную пѣну, бившую изъ подъ колесъ, на подвижные узоры тончайшаго серебрянаго кружева, разстилавшагося далеко за ними. Онъ смотрѣлъ только на нее, на ея нѣжный профиль, озаренный луною, и воодушевлялся все горячѣй. Не слыша отвѣта онъ повторилъ:

– Увѣрены-ли вы, что бракъ поможетъ вамъ примириться съ собственной участью? Полюбить человѣка, за котораго вы рѣшаетесь выйти, или хотя бы только терпѣливо нести обязанности его жены?

– Не... не знаю! – прошептала Вѣра. Я буду... Я желала бы, чтобъ это было возможно.

– Вотъ видите! Вы хотѣли сказать, что будете къ этому стремиться? Стараться объ этомъ, – не такъ-ли?.. И тутъ, теперь ужъ, въ разговорѣ со мною, вы не сдумали ни солгать, ни схитрить! Куда же вамъ брать на себя обязательство вѣчнаго притворства и обмана?.. Нѣтъ, княжна! Вы, слава Богу, не изъ тѣхъ женщинъ, которымъ ложь и лицемеріе возможны. Желать и стараться достигнуть счастья или хотя бы спокойствія посредствомъ вѣчнаго притворства, вы можете, сколько хотите, – да и то лишь въ теоріи! Но достигнуть этого – никогда!.. И что-жъ тогда? Адъ или позоръ... Разрушеніе всѣхъ вашихъ надеждъ, всѣхъ расчетовъ на будущее, на достиженіе хотя-бы матерьяльнаго благосостоянія посредствомъ этого самопожертвованія!

Они стояли у самых периль.

Положимъ, что вы не захотите развода, скандала; что вы будете имѣть достаточно гордости, чтобъ заморить себя, терпѣливо снося свой крестъ. Но вѣдь онъ тоже человѣкъ! И вѣроятно человѣкъ далеко не совершенный... Что вамъ порукой въ его терпѣніи?.. Въ его охотѣ сносить положеніе далеко не лестное и не пріятное?.. Врядъ-ли онъ способенъ на такое великодушіе, которое многіе даже назовутъ иначе...

Какая-жъ и кому тогда польза отъ вашего самопожертвованія?..

— Какъ кому? А моему отцу!.. Если-бъ только я могла переломить себя, свыкнуться!.. Онъ былъ бы доволенъ и спокоенъ...

— Да, но свыкнуться вамъ невозможно, а потому... вы меня изумляете! Я понимаю, что батюшка вашъ такъ ослѣпленъ богатствомъ Звенигородова, желаніемъ, чтобъ его милліоны достались вамъ, что онъ обманываетъ себя пріятной надеждой: стерпится де — слюбится, а перемелется — мука будетъ. Но вѣдь вы сами-же убѣждены, что этого быть не можетъ! Вы знаете, какъ ужасно обманулъ бы вашъ отецъ и поплатился бы въ васъ за свою слѣпоту. Зачѣмъ-же вы его подвергаете такой ошибкѣ? Такому непоправимому преступленію и горю?.. Не ваша-ли обязанность вразумить его, сказавъ ему твердо всю правду?.. Вы не заблуждаетесь, какъ онъ — и на вашей обязанности лежитъ спасти его и себя!

– Да онъ не повѣритъ мнѣ!.. Онъ знаетъ, что я не люблю, что я презираю этого человѣка, а между тѣмъ... Она захлебнулась, сдерживая волненіе.

Подъ вліяніемъ его прямыхъ, рѣзкихъ рѣчей, она начинала самой себѣ представляться такимъ чудовищемъ корысти и нечестности, что ей казалось, что Арданинъ долженъ навѣрное, въ душѣ, ее презирать.

– Что же – между тѣмъ? – спросилъ онъ, напрасно выждавъ продолженія ея словъ. Между тѣмъ князь продолжаетъ настаивать на своемъ несчастномъ заблужденіи? Вы это хотѣли сказать, не правда-ли?.. Но, княжна! Вѣдь онъ это дѣлаетъ, думая, что дочь его такая-жъ безсердечная и пустая женщина, какъ сотни, какъ тысячи другихъ, которымъ только и нужно одно богатство!.. Потому что не воздастъ вамъ должной справедливости, не сознавая, что вы не таковы! Что вы – исключеніе!

Голосъ его звучалъ такъ мягко, такъ горячо, такъ убѣжденно, когда онъ этими словами опровергалъ ея едва сознанныя опасенія, что всѣ лучшія силы сердца дрогнули въ ней благодарной радостью и она, сама не успѣвъ опомниться, протянула ему свою руку и крѣпко пожала его.

– Спасибо вамъ, Юрій Алексѣвичъ! – сказала она со слезами, блеснувшими въ поднятыхъ на него большихъ темныхъ глазахъ. Вы цѣните меня не по заслугамъ, но этимъ вы открыли мнѣ глаза. Спасибо вамъ!.. Я теперь ясно вижу, что должна сдѣлать. Онъ задержалъ ея руку въ своихъ на минуту и, самъ глубоко волнуясь, спросилъ ее:

– Вы скажете князю всю правду?.. Вы откажете Звенигородову?

– Да. Завтра-же! Мнѣ жаль отца... но пусть будетъ, что будетъ!.. А сознательнаго преступленія я не могу на себя взять.

– Будетъ лучше, чѣмъ вы думаете. Я убѣжденъ въ томъ!.. Правда и долгъ честно исполненный – сами въ себѣ ужъ заключаютъ для честнаго человѣка счастье и награду.

– Дай Богъ! – вздохнула Вѣра.

– Ей стало немножко грустно отъ предсказанія такого, – только такого счастья.

VII

Издали уже блистало новое сіянье, – сіянье всевозможныхъ увеселительныхъ огней. Это подходили къ Малому Фонтану.

Надъ пестрой береговой иллюминаціей, горѣло, на горѣ, громадное электрическое солнце, переливавшееся голубымъ и розовымъ свѣтомъ. Обливая море, зелень и берега, покрытые движущейся массой людей, этотъ перемежавшійся свѣтъ придавалъ всей картинѣ истинно волшебный видъ... Только что они подошли, начался фейерверкъ.

Крутящіяся колеса, снопы и букеты разноцвѣтныхъ шаровъ, звѣздъ и ракетъ, все отражалось въ морѣ, сіяло въ немъ и повторялось двойной красотою. Но надъ всѣмъ этимъ земнымъ огнемъ, неизмѣримо выше, ярче и величественнѣе, сіяла небесная красавица, луна, заливая небо, море и землю такимъ брильянтовымъ свѣтомъ, предъ которымъ меркли всѣ ухищренія людей.

Пока князь Ладомирскій со своимъ обществомъ любовался картиной съ верхней рубки, куда капитанъ парохода самъ попросилъ ихъ взойти, въ виду толкотни, которая должна была сейчасъ произойти на палубѣ, стеченіе публики, возвращавшейся въ городъ, уже началось. И благо было имъ, что они пріютились на рубку? Послѣ фейерверка народу на пристани то и дѣло прибавлялось, и едва наложили мостки, толпа заволновалась и начала неудержимо изливаться на маленькаго «Дядю». Сходни трещали подъ напоромъ. Послышались возгласы и увѣщанія распорядителей и начальства:

– Тише, тише!.. Куда спѣшите? Успѣете. Не напирайте! Довольно!.. Нѣтъ больше мѣсть!.. Вотъ идетъ другой пароходъ... Подождите!..

Но всѣ убѣжденія оказывались тщетными, народъ валилъ съ берега, будто спасаясь отъ пожара.

– Это ужасно! Настоящее стадо барановъ! – разговаривали на рубкѣ.

– Да! Пароходъ значительно осѣлъ! – замѣтилъ Арданинъ.

– Капитанъ! Вы не боитесь, что пароходъ не снесетъ такого груза? – обратился Звенигородовъ къ капитану.

– Снесетъ-то снесетъ, положимъ, но они передаютъ другъ друга. Нѣтъ возможности снять сходней при такомъ наплывѣ.

И, перевѣсившись за перила рубки, онъ началъ кричать матросамъ.

– Закройте бортъ! Сымайте мостки!.. Не тутъ-то было! На пароходъ сходили не люди, а сплывала цѣльная масса, словно потокъ лавы.

Въ толпѣ раздавались крики, визгъ, смѣхъ, плачь дѣтей и оханіе людей, которымъ наступали на ноги, давили ребра. Наконецъ раздалась рѣшительная команда:

– Сцѣпись!.. Никого не пускать!.. Сходни долой!

Была пора. Пароходъ крѣпко осѣлъ, а на палубѣ не то что сидѣть – стоять было трудно. Народъ проникъ всюду: люки, лѣстницы, борты – все было занято, отъ низу до верху. На вахтѣ даже рулевой подобралъ локти, моля только не заслонять ему компаса.

Капитанъ съ величайшимъ трудомъ старался водворять порядокъ, обезпечить движенія команды.

Князь и его спутники поглядывали не безъ опасенія на это переполненіе угла пароходика, въ черной, присмирѣвшей толпѣ было что-то зловѣщее. Онъ искренно раскаявался, что не предвидѣлъ этого, что допустилъ эту прогулку.

Одна Вѣра ничего не замѣчала. Мысли и чувства въ ней кипѣли, переполняли и голову ея и сердце; но если оно, порой, начинало биться тревожнѣй, – не опасенія и не страхъ были тому причиной...

Теперь всѣ они сидѣли рядомъ, на возвышеніи, образованномъ въ видѣ боковой скамьи, надъ колесомъ. Къ нимъ приблизились или, вѣрнѣе, притиснуты были двѣ дамы, съ дѣвочкой лѣтъ семи и маленькій гимназистикъ, который, оказалось, былъ затерянъ въ толпѣ своими заботливыми родителями и возвращался одинъ.

Дамы сообщали всѣмъ и каждому, говоря то по-польски, то по-французски, что онѣ никогда еще не ѣздили по морю, что очень его боятся и ни за что бы не избрали такого пути, еслибъ была возможность возвратиться въ городъ по конкѣ. Но сколько онѣ ни старались попасть въ трамвай, это оказывалось невозможнымъ.

— Mais c'est impossible! On se bat, se bouscule pour la konka?.. Тамъ просто драка и непременно будутъ несчастія!..

— А нельзя-ли тутъ присѣсть?.. Нѣтъ-ли здѣсь мѣстечка? — слышались голоса съ несомнѣнно еврейскимъ произношеніемъ.

И два комерсанта, одинъ тощій, другой толстый, старались притиснуться на скамьи, плотно занятые женщинами и дѣтьми.

— Сюда нельзя! Сюда публику не пускаютъ! — протестовали моряки.

— А какъ-же не пускаютъ? Здѣсь очень много народу.

— Это все мои знакомые. Я ихъ сюда просиль, а другимъ нельзя!.. Идите внизъ? — отозвался капитанъ.

— А когда-же внизу нѣту мѣста?..

— Да что съ этими нахалами церемонитесь, капитанъ? Прикажите ихъ внизъ головой отсюда спустить? — предложилъ Звенигородовъ.

— Ахъ! Бога ради! — испуганно протестовала княжна.

— Оставьте, Викторъ Наумовичъ! — остановилъ его князь.

Капитанъ былъ слишкомъ занятъ своей обязанностью, чтобъ отвлекаться пустяками, и евреи все-жъ таки присѣли, чуть не на корточки, подъ самыми локтями рулевого.

Пароходъ заработалъ колесами усиленно, отчаливая, и мѣрно описывалъ полукругъ...

— О! Que je crais un malheur!.. Какъ я боюсь! — снова заговорила дама полька на двухъ языкахъ разомъ. У меня предчувствіе, что съ нами случится несчастіе!

— Типунъ вамъ на языкъ! — безцеремонно буркнулъ на нее Звенигородовъ; но въ ту-же секунду онъ самъ прикусилъ свой языкъ.

Подъ кормой парохода раздался громкій трескъ и все, что было на немъ народу, покачнулось и вскрикнуло въ испугъ:

— Что это?.. Что случилось?.. — раздались отчаянные вопросы.

Князь схватилъ дочь свою за руку. Арданинъ, забывшись, едва не сдѣлалъ того же.

Пароходъ отчаянно вертѣлъ свои колеса, пѣнилъ воду, трещалъ, но не двигался съ мѣста. Возгласы, крики и смятеніе усилились.

— О, Боже мой! Да что-жъ это?.. — бормоталъ позеленѣвъ отъ ужаса Звенигородовъ. Подводный камень?.. Скала?!. Мы погибаемъ?..

И растерянно поводя глазами, онъ вдругъ остановилъ ихъ на спасительномъ гуттаперчевомъ поясѣ, привязанномъ къ желѣзнымъ периламъ... Онъ ухватился за него обѣими руками.

Между тѣмъ служащіе и пароходная прислуга метались. Капитанъ въ первую минуту растерялся отъ неожиданности; потомъ, опомнившись, сталъ отдавать поспѣшно приказанія внизъ, въ трубу, сообщавшуюся съ машиной, и въ рупоръ. Рулевой, остановившійся было въ недоумѣніи, энергично заработалъ колесомъ, услыхавъ команду:

— Задній ходъ!..

Задній ходъ былъ данъ. Пароходъ нѣсколько секундъ напрасно перебиралъ колесами; наконецъ содрогнулся, двинулся и, раскачиваясь, только что было поплылъ, какъ снова — тр-рахъ!! Второй толчекъ и трескъ сильнѣе перваго...

Все повалилось отъ сотрясенія и одинъ отчаянный вопль раздался въ тиши чудесной ночи. Пронесся и затихъ... Настала минута страшной тишины.

Все смолкло подъ гнетомъ ожиданія, оледенившаго кровь во всѣхъ сердцахъ...

Большинству этой нарядной, за минуту такъ безпечно веселой толпы, несомнѣнно, представилось, что насталъ часъ послѣдняго расчета, что пароходъ идетъ ко дну...

Въ виду залитаго праздничнымъ шумомъ и увеселительными огнями берега, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ веселившагося народа, подъ яркимъ свѣтомъ луны, обратившей морскую бездну въ кротко сіявшую гладь – это мгновение было вдвойнѣ ужасно!

И вдругъ, какъ бы для большей еще торжественности, съ берега раздался, заливая собою весь праздничный шумъ и говоръ, величественный гимнъ военного оркестра: «Коль славенъ Нашъ Господъ въ Сіонѣ» ...

Подъ чудные звуки вечерней молитвы, пароходъ, переполненный людьми, медленно накренился...

Тогда паника охватила всѣхъ. Все бросились, давя другъ друга, на противоположную сторону и раздались отчаянные вопли:

– Помогите!.. Спасите!.. Тонемъ!.. Погибаемъ!..

– Господа! Бога ради не волнуйтесь! Не бойтесь! – кричалъ сверху капитанъ. Ради Господа Бога и собственнаго вашего спасенія, – стойте смирно!.. Ручаюсь вамъ, что все кончится благополучно, если вы будете спокойны.

Слова его мало подѣйствовали, хотя ему усердно помогали сверху – Арданинъ, внизу – нѣсколько болѣе мужественныхъ, чѣмъ большинство, людей, увѣщая толпу, убѣждая ее, что теперь спасеніе болѣе всего зависитъ отъ ихъ спокойствія и благоразумія.

Отчаянная свалка и крики нѣсколько поунялись, но многимъ женщинамъ сдѣлалось дурно и многіе слабые духомъ, преимущественно дѣти, да пассажиры несомнѣннаго происхожденія, какъ тѣ двое на рубкѣ, – тонкій и толстый, продолжали голосить и причитывать себѣ и другимъ отходную... На двухъ этихъ евреевъ Арданинъ рѣшительно прикрикнулъ, грозя имъ, именемъ капитана, вышвырнуть ихъ за бортъ, если они не перестанутъ наводить ужасъ своими безтолковыми воплями. Они примолкли, дико озираясь и стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ, вторя въ этомъ упражненіи почтеннѣйшему Виктору Наумычу Звенигородову. Онъ, такъ энергично гнавшій ихъ только что изъ своего благороднаго общества, теперь съ ними сравнился, – даже перещеголялъ ихъ, потому что они еще не приступали къ раздѣванію, а онъ уже снялъ безъ церемоніи сюртукъ, нацѣпилъ на себя спасательный поясъ и въ эту минуту, стоя рядомъ съ княжной Ладомирской, былъ усиленно занятъ стаскиваньемъ съ себя сапоговъ...

О! какъ охотно пугнулъ бы его Арданинъ, сильнѣй еще, чѣмъ сейчасъ припугнулъ трусовъ– евреевъ!.. Съ какимъ отвращеніемъ смотрѣлъ онъ на него и какъ оскорбительно было ему за Вѣру, когда онъ увидалъ гнѣвно-презрительный взглядъ, брошенный ею на человѣка, съ которымъ она только что была готова на вѣки соединить свою жизнь.

Вдругъ блуждавшіе глаза Звенигородова встрѣтились съ удивленнымъ взглядомъ стараго князя.

– Что-жъ это вы? – пробормоталъ онъ. Что-жъ вы стоите?.. Вонъ тамъ еще такой поясъ... Берите скорѣй, пока никто его не захватилъ.

Презрѣніе впервые осилило въ старомъ вельможѣ всѣ расчеты. Онъ глянулъ свысока въ позеленѣвшее отъ ужаса, растерянное лицо Звенигородова и произнесъ:

– Вы забываете, что кромѣ насъ здѣсь есть женщины и дѣти!

– Что?!. Плевать мнѣ! Своя рубашка къ тѣлу ближе! – откровенно вырвалось у Звенигородова. Князь вспыхнулъ и отвернулся.

– Напрасно хлопчете, г. Звенигородовъ! – презрительно сказалъ Арданинъ; эти спасательные снаряды, съ Божіей помощью, никому не понадобятся.

Княжна взглянула было въ искаженное, пошлое болѣе чѣмъ когда-либо, лицо и тотчасъ же подняла глаза на Арданина. Она сама не замѣтила, какъ и когда оперлась на его руку, держась другою за руку отца.

Возлѣ нихъ одна изъ полекъ бормотала молитвы. Другая обняла свою дѣвочку и страстно шептала:

– Oh, mon enfant! Oh, Marie, ma chere petite!..

Вѣра принялась ее успокаивать.

Между тѣмъ капитанъ въ свой рупоръ, а съ нимъ многіе мужчины, сложивъ у рта руки трубою, во всю силу легкихъ кричали:

– Пароходъ!! Пароходъ!!! Сюда! Скорѣй!.. Наконецъ съ берега обратили вниманіе на происшествіе. Подлетѣла большая лодка общества пароходства и матросы вмигъ вскарабкались на бортъ. Пароходъ накренился и осѣлъ уже такъ, что вода затопляла одну сторону палубы, но болѣе не погружался. Онъ очевидно застрялъ на подводной скалѣ, которая его поддерживала. Другой, гораздо большій пароходъ «Петръ Великій», шедшій къ пристани Малаго Фонтана, свернулъ съ пути и сначала на всѣхъ парахъ, а потомъ осторожнѣй, изъ опасенія подводныхъ камней, которыхъ у этого берега множество, приближался на выручку своего товарища «Дяди». Арданинъ шепнулъ княжнѣ:

– Не трогайтесь съ мѣста. Тамъ, на палубѣ, долго будутъ возиться со сходнями, а я васъ мигомъ переведу съ колеса на колесо.

«Петръ Великій» причалилъ къ самому борту и тутъ снова едва не случилось послѣдняго, самага горшаго несчастія: публика такъ стремительно бросилась въ ту сторону, гдѣ клали мостки, что трескъ раздался снова и бѣдный «Дядя» сразу осунулся въ бокъ на полъ-аршина.

Поднялись опять отчаянные крики. Толпа отбросилась отъ воды, рискуя себя погубить.

– Смирно! – неистово рявкнулъ капитанъ. Еще шагъ не во-время – и всѣ ко дну пойдемъ!..

Моряки съ обоихъ пароходовъ начали дружно работать, переводя людей по одиночкѣ, осторожно. Десятки лодокъ окружили пароходъ съ предложеніемъ услугъ; но едва нѣсколько человѣкъ покусились прыгнуть въ нихъ, раздалась энергическая команда и всѣ лодки, кромѣ служебныхъ, были удалены. И хорошо это было сдѣлано, иначе со многими неминуемо произошли бы несчастія.

Едва сошлись вмѣстѣ пароходныя колеса, Арданинъ, ожидавшій этой минуты съ величайшимъ безпокойствомъ, схватилъ заранѣе приготовленный имъ канатъ и перебросилъ конецъ его на «Петра Великаго», крикнувъ туда, чтобъ его захватили. Одинъ изъ офицеровъ на вахтѣ тотчасъ понялъ его намѣреніе и крѣпко натянулъ его, какъ перила. Между покачивавшимися слегка колесами перешагнуть было не трудно. Арданинъ вскочилъ на покатый бортъ и подавая свободную руку Вѣрѣ, прошепталъ:

– Переходите! Держитесь за канатъ и Бога ради скорѣе!

– Нѣтъ! Пожалуйста переведите прежде дѣтей, – отвѣчала ему княжна.

И обратилась поспѣшно къ своимъ сосѣдкамъ:

– Passez, madame! Faites vite, car la foule va se ruer tout-a-l'heure.

Молодая женщина не заставила себѣ повторять приглашенія. Схвативъ на руки свою дѣвочку, она, съ помощью Арданина, въ одну секунду очутилась на другомъ пароходѣ. За нею проскользнула ея подруга. Потомъ княжна взяла за плечи одинокаго маленькаго гимназиста и его перевела; а тогда уже сама вступила на шаткую покатошь; одною рукой взявшись за руку Арданина, а другой крѣпко держась за отца, съ тѣмъ, чтобы онъ шелъ немедленно за нею... Но въ это мгновеніе кто-то прорвался между ними, оторвавъ Вѣру отъ князя и толкнувъ ее такъ, что она едва не упала въ воду.

Это женихъ, ей избранный семьею, среди высматриваній своихъ, какъ бы скорѣе очутиться въ безопасности, вдругъ разобралъ въ чемъ дѣло и, ничего передъ собой не видя, ни о комъ не помышляя кромѣ себя, ринулся къ спасительной переправѣ.

Самъ Арданинъ едва устоялъ, такъ рванулъ онъ канатъ, спѣша спастись.

– Негодяй! – громко послалъ ему вслѣдъ Юрій Алексѣичъ, охвативъ сильной рукою зашатавшуюся княжну.

Ладомирскій еле сдержалъ еще сильнѣйшее восклицаніе, но поблѣднѣлъ и стиснулъ зубы до боли. Когда они очутились съ княжной на рубкѣ «Петра Великаго», Звенигородовъ уже сидѣлъ тамъ безъ сюртука, безъ сапогъ, и отдувался, все еще не совсѣмъ опомнившись отъ перепуга. Князь сжалъ крѣпко руку дочери и, не глядя на него, поспѣшно прошелъ съ нею на другую сторону.

– Несчастный! Трусъ! – пробормоталъ онъ.

– Каждый можетъ дать лишь то, что имѣеть, папа! – иронически возразила ему Вѣра Аркадьевна.

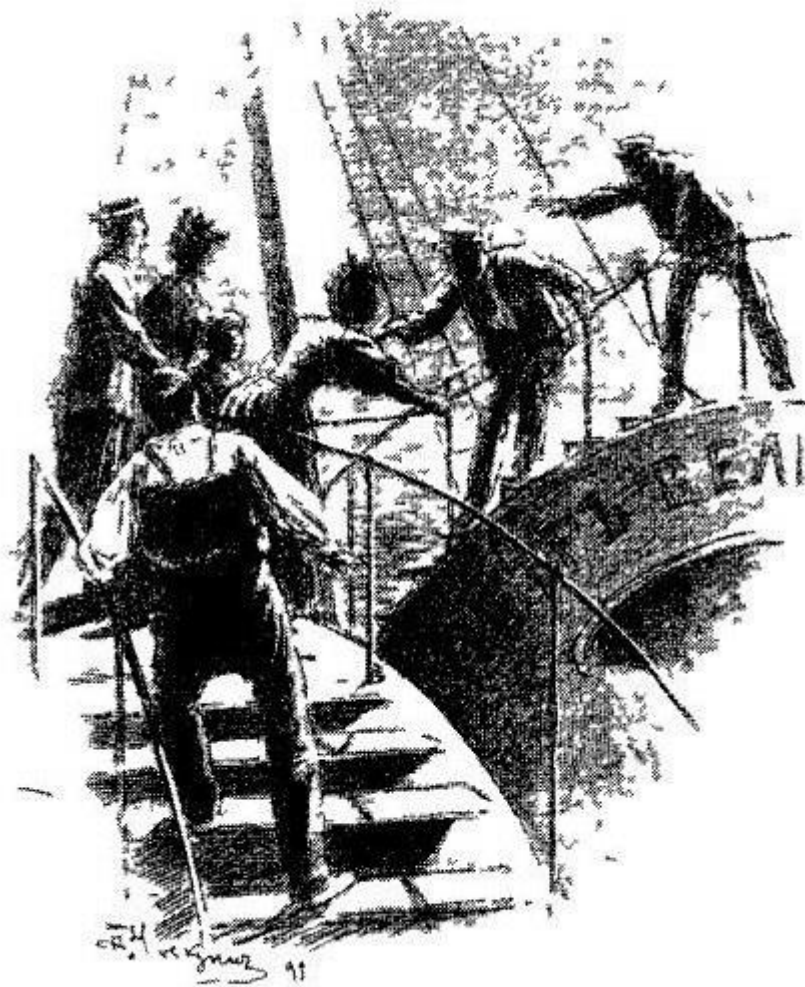
И она облокотилась на перила и смотрѣла, не спуская глазъ съ Арданина.

Пока возлѣ него оставались женщины и дѣти, Юрій Алексѣичъ не оставлялъ своего поста, держа канатъ и помогая всѣмъ переходить; только когда на этотъ путь набросились снизу мужчины, не нуждавшіеся въ его помощи, онъ бросилъ веревку, самъ перешагнувъ на колесо и рубку «Петра Великаго».

Въ эту минуту раздался молящій голосъ Звенигородова.

– Арданинъ! Голубчикъ!.. Захвати тамъ мое платье!..

Онъ теперь только замѣтилъ въ какомъ онъ отчаянномъ видѣ и сконфуженно снималъ съ себя, ни на что не нужный гуттаперчевый обручъ.

Арданинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его оригинальной просьбы. Но Звенигородовъ ее повторилъ.

– Можете сами обратно переправиться и розыскивать ихъ! – холодно отвѣчалъ онъ, проходя мимо.

Негодование такъ сильно говорило въ Арданинѣ, что онъ даже не обратилъ вниманія на безвыходносмѣшное положеніе миллионера, возбуждавшее общія улыбки.

– Какъ мнѣ благодарить васъ, господинъ Арданинъ? – встрѣтилъ его князь, протягивая ему руку.

– А ужъ я и не пытаюсь! – сказала Вѣра. На роду видно мнѣ написано, Юрій Алексѣичъ, всегда, отъ всякихъ бѣдъ и опасностей быть вами спасаемой и вамъ вѣки-вѣчные благодарной!

И она ему протянула обѣ руки, не стѣняясь присутствіемъ отца, забывъ всѣ правила, внушенныя ей миссъ Джервисъ и вслѣдствіе всего этого такъ глядя на Арданина, что князь только съ изумленіемъ посмотрѣлъ на обоихъ, но не сказалъ ни слова... На него вдругъ снизошло просвѣтлѣніе!..

– Ты еще не знаешь, папа. Я послѣ объясню тебѣ... Юрій Алексѣичъ вѣдь ужъ не въ первый разъ спасаетъ мнѣ жизнь.

– О! Вѣра Аркадьевна!.. Не грѣшно-ли вамъ смѣяться надо мною? – вскричалъ Арданинъ.

Однако глаза молодой дѣвушки, ея восторженно – благодарный взглядъ, устремленный въ лицо его, далеко не оправдывали такого заключенія.

Она склонилась надъ бортомъ и прошептала:

– Развѣ вы сами не знаете, что три раза спасли меня?.. И не только отъ смерти спасли, а отъ нравственной, вѣчной гибели!.. О! Я не могу вспомнить безъ ужаса, какой позоръ, какое несчастье я чуть было сама не приняла на себя!.. Всей жизни моей не хватитъ, Юрій Алексѣичъ, на благодарность вамъ!

Тогда Арданинъ, тоже приклонился къ периламъ, рядомъ съ нею и, разомъ рѣшившись, проговорилъ, съ сильно забившимся и замирающимъ сердцемъ:

– Всей жизни вашей! А что еслибы я не на шутку попросилъ васъ ее навсегда мнѣ вѣрить?..

Суeta на обоихъ пароходахъ, крики и шумъ пересадки заглушали голоса ихъ, такъ что даже сосѣдъ ихъ, князь, не слыхалъ о чемъ они говорили, склонившись другъ къ другу. Но въ книгѣ судебъ было положено, что эта ночная, полная происшествій прогулка, будетъ имѣть рѣшительныя послѣдствія въ жизни княжны Вѣры Ладомирской.

О, эгоизмъ любви и счастья! Имъ даже не приходило болѣе въ голову поинтересоваться судьбой остальныхъ пассажировъ. Они не слышали и не видали ничего, кромѣ себя и другъ друга. Цѣлый новый міръ зарождался въ сердцахъ ихъ, переполнялъ радостью ихъ внутреннюю жизнь, такъ что внѣшнее все проходило, не возбуждая въ нихъ вниманья. Они не замѣтили, какъ пролетѣло время, такое долгое для другихъ, пока всѣхъ пассажировъ перевели и размѣстили на «Петрѣ Великомъ» и какъ онъ пустился съ ними въ путь. Новая, доселѣ имъ невѣдомая, бывшая въ нихъ ключомъ, счастливая жизнь охватывала ихъ и уносила за собою въ невѣдомое будущее гораздо скорѣе, чѣмъ летѣлъ пароходъ. И это волшебное будущее имъ казалось несравненно-свѣтлѣе сіявшей дали, въ которую уносили ихъ тезка великаго царя-матроса, спасшій отъ гибели всѣхъ пассажировъ съ бѣднаго маленькаго, раненнаго «Дяди».

На пристани, въ Одессѣ, передъ ними вдругъ выросъ Звенигородовъ. Онъ былъ въ чужомъ пальто и въ чужихъ сапогахъ, пріобрѣтенныхъ за большія деньга, у кого-то изъ прислуги или пассажировъ-евреевъ, всегда готовыхъ на спекуляціи.

Очень сконфуженно объяснилъ онъ имъ причину своего отсутствія и выразилъ надежду, что ему будетъ дозволено довести князя и княжну обратно, въ ожидавшей его коляскѣ.

Но Вѣра Аркадьевна не дала ему окончить. Она взяла отца рѣшительно подъ руку и высококомѣрно отвѣчала:

– Нѣтъ, господинъ Звенигородовъ, не только отецъ мой и я болѣе никогда не желаемъ пользоваться вашими услугами, но мы васъ просимъ, даже, отнынѣ уволить насъ отъ вашего знакомства.

И отвернувшись отъ пораженнаго какъ громомъ миллионера, княжна Ладомирская обратилась къ ихъ другому спутнику.

– А вы не откажетесь проводить насъ чрезъ бульваръ?.. Здѣсь вѣдь два шага до лѣстницы, не правда-ли?.. Надѣюсь, папа, что ты не устанешь?..

А васъ, Юрій Алексѣичъ, я и не спрашиваю! Я увѣрена, что вы не утомитесь...

Не за чѣмъ было и требовать этихъ словъ. Мудрено было ей утомить такой коротенькой прогулкой человѣка, только что предложившаго быть ея спутникомъ на всю жизнь...